

Проблемы философского и научного исследования роли и связи естественного и искусственного, иррационального и рационального, проблемы свободы и проблемы солидарности.

Предлагаемые читателю четыре кратких текста - реплики автора в необходимом дискуссионном обсуждении нескольких показательных текстов для сайта rozova.org:

а. М. А. Розова о том, что такое «философия, как система знаний, предмет философии и человеческая свобода, как основная проблема философии»;

в. комментарии, истолкования и отталкивания от его точки зрения С.С. Розовой (см. на сайте «Проблема бытия философии в культуре» и др.);

с. незавершенный текст книги и полемического диалога «длинною в жизнь» М.А. Розова «Сократ XX века (Г.П. Шедровицкий. Проблемы и идеи)», в посмертно изданной кн. «Философия науки в новом видении» (М. 2012 г., стр. 251 — 434);

д. текст метафилософский и историко-философский, с опытом сравнительного исследования в новейшей истории российской философии, Н.И. Кузнецовой «Два проекта методологии Г.П. Шедровицкого и М.А. Розова» (см. на сайте rozova.org).

Три статьи и введение, посвящаются автором двум уникальным русским философам 20-21 вв., проф. д.ф.н В.А. Коневу и проф. д.ф.н. М.А. Розову, с существенно различным типом философствования, первый в русле гуманитарности и гуманизма (автор термина и идеи «гуманистика») и второй в русле научной фундаментальной ориентации «эмпирической эпистемологии (автор «теории социальных эстафет», термина «куматоид», принципа методологического изоморфизма естественных и гуманитарных наук).

У них автор лично учился и учится творчески теоретически мыслить, в т.ч. философствовать, не считая себя, видимо, в отличии от них, «профессиональным философом», но, всегда стремясь принадлежать к «любящим мудрость, а не глупость».

Данные тексты единое целое, ибо в каждом из них исследуется проблема роли и связи естественного и искусственного, иррационального и рационального в социокультурной реальности жизни нам подобных, в ракурсе когнитологического и антропологического подходов, с учетом ее философского и практического значения, в т.ч. относительно проблемы «человеческой свободы и солидарности». Каждая из 3-х статей и введение вполне самостоятельны для чтения и, одновременно, дополнительны к другим, ибо есть инвариант в их проблематике и темах рем их текстов (в смысле, «темы и ремы» Р.Барта), в их более или менее рациональных вопросах, на которые в них предлагаются пути поиска наиболее рациональных ответов.

Основная смысловая интенция создания и публикации автором данных текстов — способствовать эффективности постановки и поиска решения проблемы нового синтеза наук об обществе, культуре и человеке, на новом этапе их естественно — искусственной эволюции, с самосовершенствованием, необходимость которого крайне важна в 3- тысячелетии эпохи Цивилизаций.

Начало этой эпохи - около 8-10 тысяч лет назад, приближающееся завершение, с определенной вероятностью, содержится уже в современном нам начале генезиса единого Мирового Сообщества, с общечеловеческой Цивилизацией на Земле и в Космосе.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение. О нашем практическом опыте относительно целенаправленного, с искусственным, и стихийного, с естественным, в социокультурной реальности.
2. Что такое «естественно — исторический процесс» и как связаны целенаправленная человеческая деятельность, искусственное и стихийная человеческая активность, естественное (2.1. краткая история проблемы, 2.2. когнитологический ракурс)?
3. Универсальность рационального и иррационального в отношении человека к действительности, при его столкновении со «стихиями» (ракурс социокультурной антропологии).
4. Проблема метафилософского исследования типов философского отношения человека к действительности в «культурных координатах».

1. Введение. О нашем практическом опыте относительно целенаправленного, с искусственным, и стихийного, с естественным, в социокультурной реальности.

Пара категории «естественное и искусственное» используемых в современном теоретическом мышлении уже имеет не только общенаучный, но, и явно философский категориальный статус.

Как минимум, в 19 веке уже существовала ей прямо предшествующая пара категорий «целенаправленное (гармоничная целесообразность процессов) и стихийное (стихии, конфликтная хаотичность процессов)». Представляется полезным анализ использования данных, на наш взгляд, неразрывно связанных, двух пар категорий в современной теоретической рефлексии нашего опыта.

«Целенаправленное» относительный синоним «искусственного», ибо последнее обычно предполагается искусственно созданным нам подобными результатом, соответствующим цели а. социокультурной, целенаправленной деятельности его создателей (искусственного процесса), в. цели их соучастия в той или иной социокультурной их интеракции (взаимодействий, с взаимоотношениями), с преднамеренным, целенаправленным соучастием сторон.

То и другое есть в культуре в том или ином разнообразии и предполагается обычно существующим в социуме, реализуемым, воспроизводимым социокультурным индивидами, их реальными более или менее организованными группами (в т.ч. движениями, организациями, этносами).

«Стихийное» относительный синоним «естественного», ибо последнее обычно предполагается процессом протекающим в природе и является итогом природных процессов, реализующихся и сами по себе, без целенаправленного вмешательства нам подобных. Отсюда «природные стихии», если они отрицательно влияют на социокультурную жизнь нам подобных, их итоги - «стихийные бедствия (определенных параметров шторм для некоторых видов кораблей, для пловцов)», если положительно влияют, то есть итоги - «благоприятствующей успеху стихии (ветер попутный, попутное течение потока для парусного судна, плота, пловца - благоприятствует, содействует, помогает)».

Но, если «зрим в корень», то «стихийное», «естественное» существует и во внутренней среде устройства «самовоспроизводящихся и эволюционирующих видов социумов — культур, как саморегулирующихся «систем, с памятью, в среде» (см. одноименную ст.авт. на данном сайте, и, там же, его ст. «Принцип Меллера - Корогодина и рефлексивная симметрия двух описания циклов самовоспроизводства»)). Более того, с нашей точки зрения, можно предложить универсальный постулат о том, что стихийное, с естественным в них «существовало, существует и будет существовать всегда», противопоставляющий данную позицию и методологическую и онтологическую установку многим иным ее отрицающим или игнорирующим не явно. Это в той или иной форме признается некоторыми, как минимум, вариантами «социологий» в обществоведении, «культурологий» в культуроведении, социальной и культурной антропологии в человековедении, «психологий» в «психиковедении (иногда, как

выразился иронично сатирик, с медицинским образованием, выступающему, как «душеведение, с мозговедением» сообщества «душеведов - мозговедов»»).

Во 1-х, стихийное, с естественным существует в особой форме, внутри устройства любой целенаправленной социокультурной практики, как реструктурированный и реорганизованный ее иерархического устройства природный, естественный базис.

Например, в деятельности «скачки всадника на коне»: А. конь всадника, как domesticiрованное, воспроизводимое в социуме животное, как часть его материально — энергетической культуры, есть уже «объезженная, обузданная», адекватно и результативно управляемая всадником обычно «благоприятствующая стихия», если в чрезвычайной ситуации «конь не понесет всадника (вопреки воле и цели последнего)»; В. живой организм, нашего вида популяции, самого всадника, воспроизведенный внутри социума — культуры и в нем социализированный, аккультурированный, в т.ч. относительно освоенного навыка, умения, ремесла, искусства «езды всадника на коне», «управления конем (отсюда выводят истоки этимологии и внешней знаковой формы слов «менеджер, менеджмент», заимствованных нашим литературным языком из английского языка)», так же обычно «благоприятствующая стихия» (если внезапный недуг, хаос внутри всадника не порождает «ЧП», «падение с лошади», с ведущей ролью т.н. «человеческого фактора»).

Во 2-х, стихийное, с естественным существует форме побочных непредвидимых, а иногда и предвидимых, но, часто, если не всегда, в этом случае неустранимых, нейтральных, отрицательных и - или положительных по оценке их ценности, последствий, эффектов, экстерналий, в воспроизводимых нам подобными вполне адекватных и результативных социокультурных практиках.

Например, А. при рубке поленьев на дрова топором, еще и, например, утрамбовывается почва под поленьями, летят щепки и т.п.; В. наша целенаправленная помощь, дар продукта, услуги человеку У, может объективно оказаться нанесением вреда ему самому (множество возможных вариантов нарушения табу на «дарение дара, объективно не во благо получателю дара», например, противопоказания по болезни X у получателя «дара, во вред», дарителю и, иногда, и получателю его, неизвестные), или другому участвующему в конфликтной интеракции с У, человеку X, и-или, наоборот, объективной помощи человеку Z в его кооперации с У, о чем нам так же может быть неизвестно (это так называемые «косвенные, опосредованные промежуточными звеньями цепи», объективные сети наших не преднамеренных для нас интеракций с нам подобными).

В 3-х, стихийное, с естественным существует еще и в форме, по интенции, намерениям, целенаправленных процессов, но, не адекватных и безрезультатных, без получения конечных результатов соответствующих поставленной цели действующими индивидами, соучастникам их интеракций, с преднамеренным участием сторон, в принципе, по любым причинам, но, имея ввиду проявление в этом каких либо неизвестных, не предвидимых (не контролируемых) и неуправляемых стихийных процессов, не только и не столько природного, а социокультурного происхождения, с их побочными итогами.

Например, А. вместо полена неожиданно для рубщика оказалось чугунная чурка, или неожиданно исчезло или упало вертикально поставленное полено, дрова, как конечный результат не получены, возможны разнообразные побочные итоги, или

топорище деревянное неожиданно сломалось при ударе им по полену, или сила и направление удара рубщика соответствующие, в этот раз не имели место. Кроме того, любое нами используемое, например, механическое или электромагнитномеханическое устройство может неожиданно «сломаться, в следствии износа, поломки, выхода из строя деталей, узлов, случайных внешних воздействий» и т. п..

Или, например, В. допустим, что все честно, по правилам конкурирующие в интеракциях на данном типе рынка мелкие собственники — производители ставили целью каждый, как ограниченно рациональный эгоист, в отдельности «сохранить и нарастить максимально собственные доходы — богатство», не помогая в этом даром своим конкурентам, сохраняя коммерческую тайну относительно их собственных рационализаций «процесса производства», в направлении сокращения издержек, себестоимости и роста качества продукции, услуги (ибо автоматически, при прочих равных условиях, это приводит к расширению числа их клиентов — покупателей и продаж собственной продукции, услуг в данной нише на рынке, росту и накоплению их частного богатства, прибыли, и тем самым косвенно, опосредованно к вытеснению конкурентов с ниши рынка).

Но, в итоге длительных итераций массы микроциклов производства для продажи (иногда, + закупок для производства) и микроциклов рыночных обменов формируется автоматически, как стихийный, побочный макроэффект, например, более или менее «пирамидальная дифференциация, стратификация данного множества частных собственников — производителей (в принципе, по любым причинам)» на подмножества:

1. большинство их группы, с малым «доходами — богатством»;
2. средней численности часть их группы, со средним «доходами — богатством»;
3. меньшинство их группы, с большими «доходами — богатством».

Некоторые при этом из стартовавших элиминируются из числа данных «собственников — производителей», в принципе, любым путем, включая возможный переход в группу «наемных сотрудников, не имеющих частной собственности на средства для производства и больших запасов продуктов потребления». Напомним, что все участники «рыночной гонки» ставили цель «стать победителем, с максимальным доходом — богатством», но, большинство из них статистически закономерно реализовали свою производственную деятельность и рыночные интеракции, по любым разнообразным причинам (а не только по классическим нравственно — морально как бы оправдывающим меньшинство победителей причинам - сравнительной «ленивости и глупости большинства»), в этом смысле, не адекватно и безрезультатно. Причем, этот стихийный процесс регулярно воспроизводится, при тех же указанных и прочих условиях, т.е. это естественный процесс, это «статистическая социоэкономическая закономерность» рыночных экономик данного вида социумов - культур, с общественным разделением труда, институтами частной собственности, с частным самоуправлением частным хозяйством, и рыночного обмена, всегда реализуемая с наибольшей вероятностью, при наличии стандартных прочих условий. Подобно наибольшей вероятности наибольшего приближения распределения исходов «орел или решка» к равному количеству, при постоянном росте количества квазистандартных бросков квазистандартной монеты «по закону больших чисел».

На указании на этот вид «закономерной = регулярно воспроизводящейся», при

определенных дополнительных условиях, социоэкономической стихии социума - культуры (указаны выше необходимые, но, не достаточные, особо на микроуровне его иерархического устройства, условия) строится социоэкономическая рациональная критика иррационализма «утопии» квазистационарного самовоспроизводства так называемого «мелкобуржуазного социоэкономического рыночного социализма равных по доходу — богатству частных собственников», точнее, с равенством стартовых капиталов всех соучастников рыночного соревнования, без наличия на старте и на финише лишенных физического и финансового капитала для собственного производства «наемных работников» и существенной имущественной дифференциации участников на бедных, средних и богатых.

Поэтому, в социоэкономической части политпрограммы любого современного либертарианства (суть его «идеала» - максимальная свобода частных собственников любой собственности и максимально свободные рынки обмена всех видов естественных, искусственных и человеческих ресурсов — благ, при институтах политической демократии, с корпоративной солидарностью гражданского общества и максимумом политических свобод сограждан, с минимумом экономической роли вмешательства со стороны чиновников института государственного управления), явно или не явно всегда присутствует признание закономерности и даже полезности такого рода «пирамидальной имущественной дифференциации». Признается минимальная необходимость компенсации ее отрицательных последствий, умеренной государственной и частной благотворительностью (в форме «обмена — дарения», максимально «с раздачей удочек, а не рыбы» очень бедным), это автоматически радикально дифференцирует либертарианцев от сторонников разнообразных типов «государства благотворительности для достижения имущественного равенства сограждан, Царства Божия равных в сообществе - коммуне верующих на Земле в духе «христианской демократии», соцпартий, социал-демократии, коммунистов всех толков» и прочих «жаждущих первобытной справедливости, с имущественным равенством в бедности или в изобилии всех и каждого».

В качестве одного из таких последствий выступает, в т.ч., и парадоксальный «итог» -воспроизводящиеся стихийно возникшие неравные возможности для участия в конкуренции новых поколений, ибо институт наследования частной собственности автоматически воспроизводит имущественную дифференциацию на старте новых поколений.

А без него, согласно утверждениям «отца социологии» и позитивизма в философствовании О. Конта, ученика и секретаря французского социалиста — утописта графа Анри де Сен — Симона, высказанным им в контексте его полемики с «коммунистами» а ла К. Маркс (который так же был вначале одним из его последователей, сам ставший «последним великим утопистом — социалистом» Западной — Европы 19 века) - исчезает заинтересованность участников хозяйственной жизни в максимально активном соревновании за наибольшее накопление «богатства» и прирост «доходов», в т.ч. путем рационализации производства, обслуживания, рыночных обменов, замедляется или останавливается прогресс «роста производительности труда и качества продукции, услуг, их ценного разнообразия».

Другой классический пример стихийных макропоследствий аналогичных

социоэкономических массовых микростихий «циклические экономические кризисы, спады и подъемы активности в системах рыночного производства и обмена, с капиталами меньшинств и наемным трудом большинства», связанные с недо-перепроизводством продуктов, предложения услуг, как товаров, с недо-переинвестированием бизнесов, с недо-перевоспроизводством новых поколений человеческих ресурсов — благ в среде «семей наемных сотрудников фирм», дефицитом — избытком природных запасов и добычи, накопления в хранилищах естественных ресурсов — благ. Антициклическая социоэкономическая политика госвласти может лишь отчасти и не всегда успешно предотвращать их отрицательные последствия, даже если они ею, ее экспертами предвидимы.

Иные примеры вошли в русский литературный язык, например, «стихийный народный бунт», и аналогичные ему социополитические стихии: «стихии революций, гражданских войн, локальных и мировых войн, массовых репрессий диктатур, деспотий, тоталитарных политрежимов», где отдельные социокультурные индивиды, некоторые их реальные группы часто и не случайно «ощущают себя — щепкой в потоке, его водоворотах, листьями унесенными ветром, бурей, смерчем», и реально в аналогичной позиции — роли «выступают на арене истории», ибо «не могут адекватно и результативно целенаправленно управлять процессом своей жизни», ибо и если поставленные ими конечные цели оказываются не реализуемыми, жизненно важные потребности не удовлетворимыми. Известный религиозный афоризм Шарля Эншлена относится именно к аналогичным исторически реконструируемым феноменам: «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак». Напомним, что в Римской Империи первых веков нашей эры имело место «триумфальное шествие христианства, религии», Распятого Сына Божия, Бога-Отца и Святого Духа, в конфликте с языческими религиями Античности, а Спартак, вождь самого крупного и хорошо организованного вооруженного восстания рабов в Древнем Риме, периода Республики и Империи, предшествующего «торжеству христианства», в итоге которого «распятые восставшие рабы» висели на крестах по «всем дорогам, ведущим в Рим».

Вполне уместна для нашей отечественной истории и такая историческая аналогия: «Сталинизм («партийно-советская номенклатура» управляющего, большинством жителей СССР, меньшинства, с мифом и культом великого Вождя народа, великого Убийцы всех внешних и внутренних Врагов народа - Джугашвили И.В., «кремлевского горца, мужикоборца» по Анне Ахматовой, «Реквием») победил потому, что правые, центристские и левые убежденные представители социал-демократического движения, и их сторонники, в России потерпели поражение (большинство, не считая «предателей, примкнувших к сталинизму», - эмиграция, репрессии, лагерная пыль, штрафные батальоны ВОВ)».

Любое непреднамеренное членовредительство, убийство, в т.ч. по неосторожности, халатности или из - за отклоняющегося от нормы состояния человеческого организма в ситуации требующей его нормы типовой, есть пример более или менее регулярно воспроизводимых последствий социокультурных стихий, в воспроизводимых социокультурных интеракциях. Например, «кирпич выпавший из рук каменщика на высоте здания и упавший на прохожего, другого работника», «производственный травматизм и профзаболевания неизвестные и -или неустранимые», не преднамеренная

статистически более или менее вероятная в инфраструктуре данной страны — государства «автокатастрофа», с водителями, пассажирами и пешеходами, как пострадавшими (в РФ гибнут ежегодно около 30000 человек ?), пресловутый «человеческий фактор авиакатастроф», не преднамеренное подведение представителями среды и стихийными обстоятельствами к самоубийству (см. Э.Дюркгейм «Самоубийство» и др. о закономерной вариации инвариантов статистики суицидов) и т. п.

Не будем забывать и о том, что рождение каждого из нас от определенных родителей, в определенных обстоятельства места и времени данного вида социума — культуры, с данным состоянием здоровья или врожденной патологии, в данном этносе, данной Цивилизации и эпохи - есть для и относительно, как минимум, каждого из нас проявление «социокультурной стихии».

Ибо до поры, до времени мы не были в состоянии изменить эти обстоятельства, сменить их на иные, мы эти процессом «не управляем», наша зависимость от других нам подобных в этот период максимальна, мы лишь или почти только «управляемые окружающими взрослыми», а между тем эффекты произвольного и непреднамеренного «социокультурного программирования средой жизненного сценария» уже формируются, накапливаются, более или менее обуславливая нашу будущую «социокультурную биографию» (формируя т.н. «жизненный сценарий» явных девиантов по социальным психотерапевтам практикам и языку, как итог «социального, культурного импринтинга», аналога известного этологам «периода импринтинга» в поведении и взаимодействиях молодняка и предков, взрослых особей их стай, стад).

Игнорировать роль эффектов и процессы «социокультурных стихий», «естественное в искусственном», редуцировать все в социокультурной жизни нам подобных к целенаправленному, с искусственным - значит игнорировать наш разнообразный социокультурный практический опыт, который свидетельствует о их реальном существовании и важной роли, игнорировать итоги наших попыток рационально понять их и управлять ими, часто обнаруживающих таких наших целенаправленных деяний и не деяний, интеракций «неадекватность и безрезультатность».

Напомним «сверхрационалистам, с культом и мифом тотальности целенаправленного, с искусственным» диалог с участием Воланда в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова:

« Бога - нет? - Нет! - А Дьявола? - Тоже, нет! - А кто же тогда всем управляет? - Человек! - Ха-ха- ха!!! (и т.д.)».

Это не отрицает то, что кое-чем в некоторых случаях нам подобные «управляют вполне адекватно и результативно, воспроизводимо», т. е. у нас есть практический опыт и рационального отношения к действительности, наряду с практическим опытом иррационального отношения к ней.

2. Что такое «естественно — исторический процесс» и как связаны «целенаправленная человеческая деятельность, искусственное и стихийная человеческая активность, естественное» (2.1. краткая история проблемы, 2.2. когнитологический ракурс)?

2.1. Краткая история проблемы.

Каждая проблема имеет свою историю ее постановки и поиска ее решения, каждая тема — историю ее исследования и поиска методов ее исследования. В рассматриваемом здесь и теперь случае мы ограничимся лишь частичным предварительным описанием одной из линий предыстории данной историко — философской и историко-научной темы, по преимуществу, в интеллектуальной жизни России.

Два видных, оригинальных российских философа Г.П. Щедровицкий (далее сокращенно «ГПЩ»), сообщество ведомых данного информационно — интеллектуального их лидера «Московский методологический кружок», ММК) и М.А. Розов (далее сокращенно «МАР», сообщество ведомых данного их лидера «Новосибирский методологический семинар», НМС, в Академгородке) начинали, по нашему мнению и некоторым их собственным признаниям, в советский период истории российской философии с понимания и интерпретации, отталкивания от одних и тех же выбранных ими из наследия философского К. Маркса принципов:

1. принципа «марксистского прагматизма в гносеологии» - «практика - основа познания и критерий истины»;

2. принципа «марксистской философии истории, социальной философии »:

«функционирование устройства видов общественной жизни, с формами их общественного сознания (и самосознания), и их развитие, смена является естественно — историческим процессом».

В последнем случае, речь идет, прежде всего, на наш взгляд, у Маркса, о процессе воспроизводства и смены видов систем социальных практик, в целом, на макроуровне их иерархии, но, не только. 2-й принцип фигурирует во всех изложениях т.н. «материалистического понимания истории», как пропедевтике к объяснявшей и предсказывающей Всемирную Историю, в ее прошлом, современности и будущем, в широко известной в СССР и среди интеллектуалов Запада «теории Всемирной Истории человечества» К. Маркса, претендовавшей на статус научной «теории видов общественно — экономических формаций и их смены». Последняя именовалась Ульяновым В. И. («Ленин»), так же и «социологией марксизма» (никогда так не именовалась самим ее основателем К. Марксом, видимо, не случайно).

Альтернативный вариант «теории Всемирной Истории», приблизительно той же датировки создания и публикации, был дан в позитивистской философии истории и социологии О.Конта, до сих пор бытующий в вариациях в Западной культуре:

1. доиндустриальные общества; 2. индустриальные общества; 3. постиндустриальные общества..

Основные разногласия «почти единомышленников» ГПЩ и МАР уже на старте быстро проявились в порядке разработки ими их интерпретации и отталкивания их от принципа «естественно — исторического процесса воспроизводства и развития социальных практик»

(см на сайте ст. Н.И. Кузнецовой «Два проекта методологии ГПЩ и МАР»).

В том, что существенная специфика социальной реальности и социальной природы человеческого познания и знания связана, с наличием в ней целенаправленной, практической индивидуальной и совместной (групповой, кооперированной) человеческой деятельности (в т.ч. реализуемой в той или иной форме «по плану, с проектом конечного результата, т.е. заранее планируемой, иногда и проектируемой, конструируемой, как новшество, изобретение») между ними, и между ММК и НМС, не было разногласий.

Оба исходили из того, что осмысленными являются утверждения об истинности или ложности знаний, социальной информации в планах, с проектами результатов только относительно данной социальной практики, например, (авт.) либо адекватной и результативной, реализуемой, либо не адекватной и безрезультатной, не реализуемой.

В нашей интерпретации, по МАР и НМС «природа сама по себе, естественное, вне и без искусственного» вне и независимо от человеческих социальных практик, их культуры существует, но, истинных знаний о ней как таковой мы иметь не можем (аналогия с различием вещей в себе, лишь умопостигаемых ноуменов и вещей для нас, как чувственно данных нам подобным, «наглядно демонстрируемых» феноменов, по И. Канту — очевидна), но, она существует, ибо «сопротивляется некоторым нашим попыткам реализовать целенаправленную практику».

По тотальной методологии тотальной инженерии практик деятельностных ГПЩ и ММК, в нашей интерпретации, собственно истинно то «деятельностное знание в знающей деятельности», которое позволяет реализовать и воспроизводить то или иное изобретение, новшество, вначале существующее как порожденный (инженерией и рефлексией, оргдеятельностным инженерным мышлением, мыследеятельностью) проект, с планом воплощения его в жизнь.

Напомним, что по Марксу, с его «диалектическим философским методом», эти две части целого во 2-м принципе (естественное в стихийном процессе и историческое в целенаправленном процессе) едины, в их противоположности, но, для не диалектиков, это данное им их соопределение явно содержит два противоречивых утверждения:

1. «история — есть не что иное, как деятельность человека преследующего свои цели (авт. т.е. это - целенаправленные процессы, с искусственным)»;
2. «история - воспроизводство и развитие социальной практики в целом подобное естественному, природному процессу (авт. т.е. это - стихийные процессы, с естественным)».

Т.е., согласно п.2. последние закономерны и необходимы, «в конечном счете», в смысле «законов — тенденций», в сущности существенно аналогичных «статистическим массовым закономерностям» и «закону больших чисел». Например, в «статраспределениях не равновероятных», с наличием законов «наибольшей вероятности

(«горбы») и «наименьших вероятностей («хвосты», «впадины»)), вопреки догматическому советскому «официальному истмату», где т.н. «законы воспроизводства функционирования и смены общественно — экономических формаций» часто, если не всегда, истолковывались почти, как «динамические (детерменисткие по Лапласу) законы», а «Всемирная История» оказывалась «историческим вариантом классической механики (детерминизм лапласовский)».

Но, согласно п.1. эти «статистические закономерности», как естественное, реализуются по Марксу только через и в итоге реализации множеством социальных индивидов, их реальных групп целенаправленных процессов практической деятельности, с более или менее произвольным выбором целей и планов их достижения, с целепологанием новых, изобретенных нам подобными целей, использованием принципиально новых планов, проектов. Напомним афоризм его - «обстоятельства в той же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства», видимо, это и реплика в ответ на известную дилемму философии истории и социальной философии эпохи Просвещения «среда или мнения обуславливают поведение и отношения людей?».

Например, в типичном простейшем, идеальном случае конфликта, столкновения двух разнонаправленных той или иной мощности социальных сил воздействующих на данное целостное состояние их общей социальной практики и ее культуры, когда по Марксу «получается то, чего никто не хотел», по статистическому аналогу закона механики - «параллелограмма сил», когда по «равнодействующей» реализуется траектория смены состояний социальной практики, на которую эти социокультурные силы воздействуют. Это иллюстрирует его интерпретацию идеи о «хитрости Мирового Разума» «Феноменологии духа» и философии истории Г.В.Ф. Гегеля и итоговые выводы исследований историков Великой Французской Революции конца 18 — начала 19 вв. (Гизо, Тьери и др.).

В конечном итоге, создается впечатление, что у ГПЩ, с ММК, все естественное редуцируется к искусственному, стихийное к целенаправленному, ибо существуют только «разрывы в процессах целенаправленной практической деятельности, псевдопрактики (например, типа магической игровой имитации прототипной практики, утопические, не разрешимые проблемы, не реализуемые проекты, с планами, при «слепой вере и фанатизме» практиков, прожектеров)» и в их контексте «проблемные ситуации фиксируемые деятельностью рефлексией, для творчества в инженерии методов новых их разрешения», а ничего, естественного не существует, «стихии природные и социальные» оказываются, с этой точки зрения, бесплодными и вредными выдумками «онтологов», не понимающих и не признающих то, что единственно верной онтологией является «онтология теории деятельности (мыследеятельности)» ГПЩ, которая им самим за таковую не признавалась.

Противоположное направление интеллектуальных изменений в интерпретации и отталкивании от 2-го принципа имело место у МАР и НМС, в пределе это могло бы породить прямо обратную редукцию всего искусственного к естественному, целенаправленного к стихийному (отсюда периодические его обвинения гуманитариями в «натурализме», «объективизме» и его требование «объективности метода и предмета социокультурных эпистемологических эмпирических исследований», установка на методологический изоморфизм естественных и гуманитарных наук). МАР

выбрал альтернативный ГПЩ курс на создание фундаментальной науки на базе «эмпирической эпистемологии, в т.ч. истории и философии науки», разрабатывая и применяя «научные модели будущей научной теории видов устройств и содержаний социальной памяти, памяти культуры, их эволюции (в духе метафор и методологических аналогий о «социальной генетике, генетике культуры»)». Вначале, в пределах его конструктивной «теории нормативных систем, с нормативными структурами и хранящимися, воспроизводящимися в них социальными нормативами», позже, в пределах его «теории социальных эстафет, с эстафетными структурами и воспроизводящимися в них социальными образцами, социальными, генетически ненаследуемыми программами».

Вместо «идеала», с эталонными образцами инженерно - проектировочной и организационной (особо в подобию «стратегическому инновационному менеджменту») конструктивной мыследеятельности, как у ГПЩ, например, для и в социальных практиках типа ОДИ, у МАР - «идеал», с эталонными образцами «фундаментальных наук математизированного экспериментального естествознания» для социальных исследовательских практик и их культур типа «научных экспериментально - эмпирических исследований феноменов устройств социальной памяти, хранящегося, воспроизводящегося в них содержания».

Это сразу же в конце 60 — начале 70 гг. прошлого века привело к существенной дифференциации у МАР и НМС понятия «целенаправленной деятельности, с результатами соответствующими целям (например, дрова, готовое каменное рубило)» и «активности, с побочными, непредвидимыми последствиями (например, шепки при рубке дров, огонь от искр в итоге соударение каменных орудия и предметов труда, при изготовлении каменного рубила, охватывающий легко воспламеняющуюся сухую траву)», которая может так же неоднократно воспроизводиться, как сопровождение целенаправленной практики. Побочные итоги человеческой активности имеют прежде всего, в эпистемологическом ракурсе, «положительную ценность» по МАР, ибо и если рефлексия участников их фиксирует и оценивает положительно и далее целенаправленно воспроизводит практику именно для получения побочного эффекта, как нового ценного результата (см. первый пробный вариант ст. МАР об этом «Деятельность и активность», 1972-4 гг.?).

Активность, во-первых, шире чем «целенаправленная планируемая практическая деятельность» по масштабу и объёму разнообразия ее внутренней структуры и организации (в абстрактной возможности вглубь, вширь и вверх по иерархии систем реальности — человеческая активность беспредельна, ибо и если «все со всем связано непосредственно или опосредованно, через промежуточные звенья»), ибо в «деятельности», по традиции ее описания, существует, как элементы, связи ее внутренней целенаправленной структуры и организации, только то, о чем есть социальная информация в ее плане, с проектом, социальной программе, с акцептором конечного результата, генетически ненаследуемой.

Например, идентифицируемые, распознаваемые обязательно и прежде всего: топор, полено, операции рубки рубщика, дрова, по плану, с проектом в форме А. типового социального образца рубки поленьев топором на дрова и- или В. вербальной инструкции об этой социальной программе и реализующей ее процедуре.

Во вторых, на базе, материале одной и той же активности может быть реализованной две и более различных по целевой направленности «деятельности», в простейшем случае, в исходном пункте их последующей возможной дивергенции «симметрично рефлексивные». Например, А. рубка поленьев для получения дров, при поддержании огня в печи, одна рефлексивная целевая установка и деятельность, или В. казалось бы тоже самое, но, для получения щепок, для розжига огня, другая рефлексивная целевая установка и деятельность, С. для получения и того, и другого результата - третья целевая рефлексивная установка и деятельность, и это именно три разные «целенаправленные деятельности», объективно вне и без учета рефлексивной целевой установки могущие ошибочно отождествляться, в исходных простейших случаях внешним наблюдателем.

В третьих, именно активность, совместно с рефлексией, порождает, творит культурные новшества, ибо рефлексивная, консервативная целевая установка на воспроизводство статус-кво «целенаправленной деятельности», более или менее квазистационарно, в пределах допустимых или известных и корректируемых отклонений от ее нормы реализации, минимизирует вероятность, скорость и масштабы порождения культурных новшеств, иногда, вплоть до «наказуемости новаторов за отклонения от стандарта, традиций» и на тысячелетия.

В четвертых, наличие активности, наряду с социальными целерациональными (по М. Веберу) действиями, обоих соучастников воспроизведения социальных интеракций (например, кооперативных или конфликтных), с преднамеренным соучастием сторон, может, с участием их рефлексии, породить не только их генезис из множества индивидуальных практик (пример, МАР «реконструкция происхождения конической хижины, шалаша из одностороннего ветрового заслона» у историков и этнографов первобытной культуры), но, так же и новые их модификации, виды, новые формы социальных интеракций, с преднамеренным, целенаправленным соучастием сторон (т.е. с «инженерия интеракций, кооперативных, конфликтных», в т.ч. с их конструктивным проектированием и планированием организации реализации их проектов).

Активность, в отличии от «деятельности», есть стихия, нечто естественное, внутри и рядом с целенаправленной, по плану, с проектом реализуемой, искусственной деятельностью:

либо А. укрощенная, известная и управляемая стихия, из естественной ставшая частью целого искусственной практики;

либо В. неизвестная и не управляемая стихия, хотя и воспроизводимая, но, порождающая не адекватную и безрезультатную социальную практику и-или стихийные побочные итоги целенаправленной, адекватной и результативной практики.

Именуемая, в некоторых случаях из п.В, так же справедливо псевдопрактикой, имитацией - адекватной и результативной, прототипной практики. В т.ч., нами, игровой имитацией, в множестве видов таковых: в детских играх, театральной игре, в религиозных магических имитационных ритуалах, в психотерапевтических играх, в играх в организацию совместной практической деятельности, например, штабных военных играх, и т.п., (сноска). В т.ч. знаменитого типа в этнографии именуемого «культ Карго» (см. перепост материалов об этом на ФБ в хронике на стр. автора) в межкультурных заимствованиях, с имитацией другой культуры - донора собственными средствами

данной, другой культуры — реципиента, с проблемами т. н. «языковых заимствований» в филологии, «трансплантации социальных, экономических институтов (в т.ч., институтов культуры)» в экономиковедении, с экономикологией.

Причем, по МАР - по характерному для ее им определенному кругу задач - рефлексия нам подобных «участников социальных эстафет» не создает активность, а наоборот, иногда успешно, трансформирует активность в целенаправленную деятельность, в преднамеренные социальные интеракции («укрощение стихии, ставшей благоприятствующей, содействующей»), иногда же, о чем у МАР нет упоминаний (?), рефлексивная проблематизация трансформирует ситуацию таким образом, что бы элиминировать, минимизировать «негативное воздействие, противодействующей стихии человеческой активности». Например, культуры техники безопасности, культура педагогических практик тренировки, медицинских, психотерапевтических практик, практик самопереобучения-самоперевоспитания. Подробнее см. на сайте в ст. авт. «Возможна ли «эмпирическая эпистемология», как наука?», работы МАР и всех участников НМС.

Уже в альтернативных точках зрения дискуссий философов Древнего Китая можно, согласно некоторым их интерпретациям, увидеть предшественников определяющих альтернативные позиции и роли «мудрецов, любителей мудрости», аналогичные позициям и ролям занимаемым и исполняемым МАР - НМС и ГПЦ — ММК, а именно, «следование дао в даосизме» - отрицающему пользу вмешательства целенаправленного «мудрых» в ход естественных процессов в природе и культуре (ибо они и сами по себе «следуют дао») и «требование и ожидание от конфуцианца» - «мудрого, гуманного мужа» целенаправленного вмешательства в социальную жизнь, в воспроизводство гуманности культуры, как в жизнь правителей, так и в жизнь управляемых ими жителей, ибо без этого может иметь место дегуманизация, которую, как минимум, можно и нужно предотвращать.

В конце 19 — начале 20 вв. аналогичные дискуссии имели место в среде российской социал — демократии между «объективистами (главное или единственно важное объективные факторы развития общества)» и «субъективистами (наоборот, - наиболее важен субъективный фактор развития общества)», первые считали, что развитие капитализма в Рос. Империи само изживет самодержавие и феодализм, породит профессиональное рабочее движение и социал - демократическое политдвижение и социализм, вторые считали и то, и другое нереализуемым без «революционных российских социал — демократов движений и организаций, их лидеров и сторонников - целенаправленного вмешательства».

Третьи, например, меньшевики, (однофамилец автора), «отец российской социал-демократии» Г.В. Плеханов, считали, что «акушеры полезны только в моменты готовности к родам», т.е. выступали против искусственного провоцирования «преждевременных родов пролетарской революции и социализма» в технологически, экономически, политически и культурно отсталой Российской Империи, ибо весьма вероятен «летальный исход».

Истоки этих альтернативных отношений к действительности в Западно — Европейской Цивилизации, с ее культурой — очень древние и глубокие. Например, в дискуссии «о свободе или рабстве человеческой воли» между одним из лидеров

гуманизма эпохи Возрождения Эразмом Роттердамским (трактат «О свободе воли») и вождем - жрецом религиозной Реформации Мартином Лютером (трактат в ответ «О рабстве воли»).

В современной западной философии есть аналогичный конфликт между двумя парадигмами философствования в социологиях, культурологиях, антропологиях:

1. одни основываются на постулатах об «объективных социальных структурах, культурных матрицах и их объективных трансформациях», где активность индивидов, их групп сведена к занятию позиции и исполнению ролей в их системах («структурализм» против «экзистенциализма»), и они подобны «структурным и культурным болванам (А.Гидденс)», «запрограммированным» марионеткам (автоматам) «срежиссированных кукольных спектаклей, по сценариям воспроизводящимся на сцене, с соответствующим сценарию реквизитом мизансцен» (авт.);

2. другие основываются на постулатов о субъективных, более или менее свободных, произвольных выборах из альтернатив и реализующих их акциях рефлектирующих акторов, и как А. воспроизводителей свободно выбранных ими различных видов «структур, матриц», и как В. их разрушителей, создателей, творцов по «своей воле и вере» сменяющих одни виды «структур, матриц» другими; и как С. индивидов — личностей, их реальных организованных групп типа креаклов-волюнтаристов, ибо только их анархия, хаос, стихия — мать подлинно ценного нового и высшего порядка, гармонии, целесообразности (вплоть до культа и мифа «сверхчеловеков-творцов, подлинно аристократических элит из них» цветущих на куче навоза из «недочеловеков - унтерменшей, плебейских масс, быдла»).

Есть аналогичные методологические — эпистемологические, онтологические и аксиологические альтернативы в русле истории и философии, социологии и культурологии, социальной и культурной антропологии феноменов и макроинститутов культуры: науки, искусства, религии. Напомним, этическую трагедию героя, из - за «слезинке страдающего ребенка» отказывающегося принять «будущий Рай человекам на Небе или на Земле (в т.ч. «коммунизм»)), знаменитый «теологический» диалог с Великим Инквизитом (трагическая проблема «необходимости Инквизиции и Инквизиторов» в христианской Церкви «религии Любви»), в литературных произведениях и дневниках Ф.М. Достоевского.

2.2. Когнитологический ракурс.

Рассмотрим далее возможность реализации применительно к проблеме исследования естественного и искусственного, стихийного и целенаправленного когнитологического подхода, с его использованием простейших информационно — кибернетических аналогов, моделей социокультурных практик, явно связанных с аналогами феноменов и процессов типа «коммуникации и управления» (подробнее о когнитологии в когнитивистике см. на сайте ст. авт. «Возможна ли когнитология, как математизированная экспериментальная наука?», «Проблема моделирования и использование модели «функциональной системы имитационного самообучения» в экспериментальной когнитологии»).

Напомним читателю принятый нами постулат о том, что когниции, всегда связанные с поведением, поступками нам подобных в реальных ситуациях, с

интеракциями в них между подобными, имеют:

А. объективную информационно — программную составляющую часть целого, с объективной ценностной (инструментально, ситуативно ценной для достижения данной цели соответствующего результата или с базовой, универсальной ценностью) направляющей часть ее целого (аксиогниция);

В. хранятся в социальной, генетически ненаследуемой структуре и организации индивидуальной бионейропамяти множества социальных индивидов, их групп, а не есть только лишь;

С. субъективное, фантомное (виртуальное) проявление данное каждому из нам подобных в е «содержаниях интроспекции, рефлексии , в т.ч. вербализированной», хотя они могут иметь еще и;

Д. «превращенную, внешнюю, потенциальную форму существования», храниться во внешних сетях связи, с задержкой сигналов иконических и-или текстовых, вербализированных, на внешних носителях их «записей» в линии связи между нам подобными, включая «демонстрируемые одними и, позже, наблюдаемые другими образцы поступков, интеракций в ситуациях».

В простейшем случае, когнитологический подход использует те или иные информационно — кибернетические модели, абстрагируясь от наличия и роли «параллельных фантомных миров внутренней душевной и духовной жизни» нам подобных. Например, это правомерно - при гипотезе о их значимости, только как фантомных дублей, имитаций объективных процессов и феноменов в иерархической нейросистеме человеческого организма, функционально полезных для повышения надежности порождения и воспроизводства адекватного и результативного практического поведения нам подобных в ситуациях социокультурной реальности. Обратимся и мы к рассмотрению таковых, проанализировав простейшие и более сложные, но, пока лишь только строго дискретные, конструктивные модели **информационно-кибернетических систем** (далее сокращенно «ИКС») простейшего вида (для использования их в исследовании тематики данного текста), со следующим разнообразием их внутренней структуры и организации ее функционирования;

А. с наличием адекватных и результативных идентификаций, распознаваний сигнальных элементов **зоны адекватного и результативного функционирования** (далее сокращенно «ЗАРФ») **памяти — идентификатора — регулятора** (далее сокращенно «ПИР») данной, дискретной ИКС простейшего вида (кратко в сокращенно указании определение: «ИКС п.в. = ПИР + ЗАРФ»);

В. с наличием адекватных и результативных, объективно направленных на стандартный результат регулирующих воздействий ПИР ИКС на регулируемые элементы ЗАРФ ИКС;

С. с наличием последовательностей из микроциклов типа А. и типа В., в т.ч. мезоциклов, в адекватном и результативном макроцикле ПИР в ЗАРФ данной ИКС п.в. в целом, в его макроитерациях («цикл» - означает наличие итераций, повторов, многократных, минимум двукратных, воспроизведений «цикла»).

Отметим, что для знатоков очевидно существенное подобие, но, не тождество (что может быть точно доказано), данной используемой нами модели ИКС п.в., кратко «ИКС = ПИР + ЗАРФ» (первый ее пробный вариант см. в ст. авт. , опубликованной в соавторстве с П.

Лукша на англ. языке «Новый подход к концепции информации» в 2002 г.), иным известным моделям:

во 1-х модели нормального алгоритма по ак. Глушкову (см. его «Введение в кибернетику»), во 2-х одному из существующих определений «абстрактного конечного автомата» (см. «Энциклопедический математический словарь», М. 2.....г., ст. «конечный автомат», сравните - учебник «Теория автоматов»).

Кроме того, в отличие от иногда практикующегося использования моделей детерминированных ИКС, учтем, что и во внутренней, и во внешней среде (за пределами локусов и элементов ее ПИР и ЗАРФ) так определенной модели прототипов ИКС п.в., которую мы интерпретируем здесь «синергетически» (как один их типов «открытой (проточной) системы, в среде»), существует еще и то, что в ИКС не идентифицируется, не распознается и не регулируется, направленно не преобразуется, т. е. аналог естественного в искусственном. Хотя всем известно, что «шумы, помехи, ошибки в коммуникации, надежность передачи информации и сбои, отказы, надежность и ненадежность в регулировании» вполне традиционная проблема и тема для информационно — кибернетического подхода.

Эта часть внутренней среды и внешнего окружения ИКС п.в. и есть явный аналог стихийного, естественного, всегда сопровождающий внутреннее и внешнее направленное, идентифицируемое и регулируемое, искусственное функционирование данной «синергетической» ИКС п.в. Внешние ИКС стихии и внутренние стихии ее внутренней среды, в т.ч., порождаемые самой ИКС п.п., как побочные следствия, эффекты сопровождающие процессы организации функционирования ее структуры в реальных прототипах, на наш взгляд, в принципе неустранимы полно и точно, всегда и везде.

Перейдем к анализу неадекватных и безрезультатных идентификаций, распознаваний и регулирующих воздействий, в т.ч. в неадекватном и безрезультатном макроцикле ИКС п.в., в целом, для исследования порождаемых ими побочных итогов, собственно информационно — кибернетических стихий «искусственно - естественных».

1. В общем, идеальном случае любая, из их разнообразия в данной ИКС, адекватная и результативная элементарная идентификация, есть акт распознавания направленный на опознание, узнавание принятого стандартного сигнального элемента ее ЗАРФ или его отсутствия, в данное время в данном месте стандартного контакта идентификационного элемента ПИР ИКС, с ему соответствующим или несоответствующим сигнальным элементом ЗАРФ. Следовательно, в нашей недетерминированной модели идентификационных микроциклов ИКС п.в., конечным результатом объективно так направленного акта идентификации, распознавания является выбор одного из двух возможных альтернативных состояний данного идентификационного элемента ПИР ИКС.

В макроцикле (мезоцикле) ИКС п.в. — это функциональная необходимость, инструментальная ценность для и с точки зрения:

А. или предварительного контроля наличия или отсутствия необходимого условия адекватной и результативной реализации того или иного последующего РВ регуляционными элементами ПИР ИКС на ими регулируемый элемент ЗАРФ ИКС (функция «контроля условия для реализации РВ» в следующем регуляторном микроцикле);

В. или завершающего контроля наличия или отсутствия стандартного конечного результата реализации предшествующего РВ в ЗАРФ данной ИКС п.в. (функция «контроля результата реализации РВ» предшествующего регуляторного микроцикла).

В случае А. имеет место предотвращение возможности реализации не своевременно и неуместно того или иного последующего РВ, объективно становящегося неадекватным и безрезультатным для любого внешнего наблюдателя - измерителя полезной информационно - кибернетической работы данной ИКС п.в. (аналог «экономии на устранении избыточных затрат, усилий» налицо, потенциальное количество макроитераций, вероятность реализации адекватного и результативного макроцикла ИКС п.в. возрастает).

В случае В. возникает повышение вероятности получения данного стандартного конечного результата в ЗАРФ, прирост надежности;

В.1. либо простейшим путем, возврата и дополнительного, повторного воспроизведения, дублирования микроцикла реализации того же самого РВ, или мезоцикла (идентификация «контроля условия» + то же самое РВ);

В.2. либо путем последующего включения процесса реализации иного адекватного и результативного РВ, корректирующего идентифицированные стандартные отклонения в итоговых элементах ЗАРФ, от стандартного конечного результата, трансформирующие его в стандартное состояние с конечным результатом.

В последнем случае (п. В.2.) речь идет о наличии дискретных аналогов механизмов гомеостаза, в замкнутых мезоциклах и макроциклах ИКС п.в., с отрицательной обратной связью, в их строго дискретной модели (авторский вариант, нигде в доступной литературе нам не встречавшийся), с процессами автокорректировки идентифицированного конечного множества (спектра) стандартных ошибок, в итогах реализации данного РВ в данном локусе ЗАРФ в данное время, при очередной мезоитерации мезоцикла, макроитерации макроцикла ИКС п.в., именно, как стандартного множества (спектра) отклонений, по любым причинам генерируемых в любой последовательности его микроциклов, мезоциклов.

Это соответствует положительной мере ценности по Харкевичу — Корогодину (см. например, в последнего кн. «Информация и феномен жизни»), получения данного количества данной информации, величины снятия, преодоления неопределенности выбора из альтернатив в данном идентификационном элементе ПИР ИКС п.в.. Её количество зависит от вида распределения вероятности на двух указанных альтернативных состояниях идентификационного элемента ПИР ИКС п.в., по мере К. Шеннона (максимальна при равновероятном, см. матмодель «биномиального распределения», с заданием меры информационной энтропии в кн. И. Полетаева «Сигнал»)

Ценность (инструментально - ситуативная) получения в данном идентификационном элементе данного количества информации измеряется относительно полученного прироста вероятности получения данного стандартного результата реализации данного РВ на соответствующий регулируемый элемент ЗАРФ ИКС п.в., и реализации макроитераций макроцикла ИКС п.в. в целом полностью адекватных и результативных. Это - по мере ценности информации Харкевича — Корогодина, для ИКС, с объективно направленным на стандартные результаты воспроизводимым макроциклом или на единственный стандартный конечный

результат конечного РВ на конечный стандартный регулируемый элемент ЗАРФ в макроцикле.

В одном случае такое устройство ИКС п.в. реализует «пассивную тактику избегания, блокирования реализации неадекватных и безрезультатных, избыточных, бесполезных или вредных РВ», в другом «активную тактику реализации корректирующих РВ на ошибки, отклонения от стандарта, нормы результата, как побочных итогов реализации предшествующих РВ».

Существуют три альтернативных объективно наблюдаемых - измеримых признака (и критерия) наличия акта, микроцикла адекватной и результативной идентификации, элементарного дискретного распознавания наличия соответствующих сигнальных элементов ЗАРФ или их отсутствия, особо важных, если ненаблюдаемы — неизмеримы прямо и непосредственно сами идентификационные, распознавательные взаимодействия по их непосредственно наблюдаемым - измеримым параметрам, либо как адекватные — результативные (в двух вариациях альтернативных), либо как неадекватные — безрезультатные.

1-й признак (критерий), в случае принятия сигнального элемента ЗАРФ, из их алфавита, соответствующего данному идентификационному элементу ПИР, это признак реализации следующего в макроцикле ИКС п.в., за реализацией данного акта распознавания, идентификации, адекватного и результативного РВ, на ему соответствующий регулируемый элемент ЗАРФ.

2-й признак (критерий), в случае отсутствия принятия и идентификации соответствующего идентификационному элементу ПИР иного сигнального элемента ЗАРФ, это признак 2.1. отсутствия реализации следующего в макроцикле ИКС п.в., за реализацией данного акта распознавания, идентификации, адекватного и результативного РВ, на ему соответствующий регулируемый элемент ЗАРФ, а так же, и признак 2.2. отсутствия и процесса его неадекватной и безрезультатной реализации. Т.е. объективно наблюдается пассивное внешне следующее состояние ИКС п.в., блокирование, табуирование любой внешней активности, как бы по первой команде в игре детей в «Замри! - Отомри!».

Это точно выявляет именно «прагматический характер» данных косвенных, опосредованных критериев адекватности — результативности идентификации, распознаваний в ИКС п.в., это особо важный в случае указанной и часто встречающейся «прямой, непосредственной ненаблюдаемости — не измеримости» процесса, хода идентификационного, распознавательного взаимодействия. В этом случае - идентификационный микроцикл на фазе актуального взаимодействия - взаимопреобразования сигнала и идентификатора - аналог «черного ящика преобразователя» + два входа в него на старте микроцикла и два выхода из него после его завершения, один из которых, часто, если не всегда, «пусто в сигнальном локусе ЗАРФ — отсутствует входной сигнал».

В простейшем, идеальном случае, мы полагаем, что в макроцикле ИКС п.в. конечное множество идентификационных элементов ПИР для предварительного контроля и контроля результатов РВ изоморфно конечному множеству сигнальных элементов ЗАРФ, с двумя подмножествами, как и множество регуляционных элементов ПИР изоморфно множеству регулируемых элементов ЗАРФ и множеству стандартных

конечных результатов реализации им соответствующих РВ в ЗАРФ. Т.е. все ее различные идентификационные и регуляторные микроциклы могут быть и адекватными — результативными. Кроме того, в частых случаях, в связях, переходах — переключениях между элементами в структуре и организации ПИР ИКС п.в. могут иметь место еще и «ветвления», выборы одного из минимум двух альтернативных направлений перехода — переключения от данного идентификационного элемента к множеству иных идентификационных элементов или к следующему ему соответствующему регуляционному элементу ПИР (аналогичные возможности см. в модели «нормального алгоритма» по ак. Глушкову состоящего из дискретного множества актов функционирования элементарных распознавателей и элементарных преобразователей «алфавитного преобразователя» входных слов в выходные).

При этом, обратим внимание на то, что в одной макроитерации макроцикла реализуется одна из двух ветвей, в другой — другая из них, так что может иметь место статистическая закономерность при большом числе макроитерации (поэтому утверждение ак. Глушкова о детерминированности любого «нормального алгоритма» по его собственной его «действующей метаматематической модели» явно нуждается в обсуждении, и в общем случае, не верно). Следовательно, имеют место аналоги «элементов выбора — сравнения в структуре программ» комплексных ИКС, со специализированными ЗУ, их записи хранящими, а не только аналоги «последовательностей» и «циклов» (напомним, что в соответствии с «основной теоремой структурного программирования» — этими тремя элементами «выбор, цикл, последовательность» может быть полно и точно описана любая последовательно реализуемая «программа»).

В нашем случае, циклы дифференцируются на микроциклы, мезоциклы и макроцикл ИКС п.в. и существует только два подмножества не пересекающихся микроциклов: идентификационные и регуляторные.

Подобная же дифференциация микроциклов и иерархия уровней циклов реализуется и в конструктивной метаматематической модели некоторых иных прототипов ИКС, а не только в метаматематической модели «нормального алгоритма», например, в проектах и реализации действующих устройств «машины Тьюринга, как сложного автомата, с лентой памяти, с записью считываемых программ, и с лентой среды, со считываемыми, стираемыми и записываемыми, по программе, символами и пробелами, в ее клетках».

Предлагаемая и используемая нами в когнитологических целях модель ИКС п.в. представляется более обобщенной дискретной конструктивной моделью, ибо ее прототипы не только множество «алфавитных преобразователей», но, и любые «считывающие - записывающие (копировальные)» и «считывающие— реализующие устройства», кроме того, ИКС п.в., в отличии от комплексных ИКС (КИКС), имеют единственный уровень «контроля и регулирования», ибо их идентификатор — регулятор одновременно есть и их «память» (можно продемонстрировать, что существует действующая модель «МТ» не только, как «сложного автомата (двухэтажного устройства, с ЗУ УУ и ИУ во внешней ЗАРФ), но, и как «простого автомата (одноэтажного устройства)», как частного случая ИКС п.в.. Можно ли ИКС п.в. считать и в общем виде «алгоритмической» или «детерминированной» - отдельный вопрос, здесь подробно не рассматриваемый. На наш взгляд, в общем случае, нет, ибо и если:

А. все идентификационные элементы ПИР ИКС п.в. характеризуются статистическими параметрами по определению;

В. наличие мезоциклов в макроцикле ИКС п.в. функционально аналогичных «элементам выбора — сравнения структуры программ» означает наличие и статистики «ветвящихся» связей «перехода - переключения» в последовательности итераций микроциклов, мезоциклов и макроитераций макроцикла ИКС п.в..

Если не рассматривать еще и «статистические алгоритмы, с вероятностными элементами и связями в структуре», то — нет, ИКС п.в. в общем виде не есть «алгоритм», тем более, не «детерминированный автомат».

Только «вырожденный», строго детерминированный специальный случай макроцикла ИКС п.в., включая его идентификационные микроциклы (вообще говоря, в этом случае совершенно «избыточные») и исключаящий «статистику ветвления связей в ПИР» в макроитерациях макроцикла, соответствует классическому пониманию «алгоритма», как строго однозначной, единственной, детерминированной последовательности операндов, операций - преобразований с ними и их результатов. Это явный аналог «динамического закона», который может при этом существовать в двух неотделимых формах А. процесса считываемой записи программы регулирования (существует только единственная последовательность актов считывания записи с «ленты памяти») ,В. процесса реализации считываемой записи программы (существует только единственная последовательность актов реализации РВ на «ленте среды»).

В связи с данными пояснениями мы можем ответить на вопрос: «что такое неадекватность и безрезультатность идентификационных микроциклов, элементарных актов распознавания в макроцикле ИКС п.в. (см. выше), если бы мы ее прямо и непосредственно могли наблюдать — измерять, и какие ее виды существуют (см. далее)?».

1 вид. Вместо принятого сигнального элемента ЗАРФ Х идентифицируется ему не соответствующим элементом ПИР — Z, наличие соответствующего последнему сигнального элемента ЗАРФ - У, не принятого из данного локуса ЗАРФ в данный момент (ошибочный выбор из альтернативных двух состояний идентификационного элемента, выбор состояния «У в наличии» вместо выбора состояния «У -отсутствует»), по любым причинам.

Это простейший аналог т.н. «искаженных, ошибочных иллюзорных образов ощущения, восприятия», «заблуждений о существовании У, здесь и теперь не существующего, при существовании здесь и теперь Х (при учете того, что «все со всем сходно», т.е. есть сходство минимальное и между У и Х сигналами)» у нас подобных, имеющих, естественно, гораздо более сложную природу.

2 вид. Вместо адекватного и результативного выбора альтернативы «сохранение пассивного состояния ожидания принятия соответствующего сигнального элемента ЗАРФ -У», в связи с отсутствием принятия какого либо из сигналов алфавита , в идентификационном элементе ПИР - Z реализуется не адекватный и безрезультатный итог — ошибочный выбор альтернативы «идентификация наличия принятого соответствующего сигнала У». При этом, в локусе ЗАРФ только «фон» для транспортировки записи сигналов на фоне, только несущая волна для модуляций модулятором сигналов из несущей волны, иногда, это как бы тоже сигнал типа = 0, пусто в локусе ЗАРФ. Сие простейший аналог «классической ошибочной галлюцинации», «заблуждения

относительно существования У, там и тогда где и когда У не существует», т.ск. «в чистом виде».

3 вид. При наличии в локусе ЗАРФ сигнального элемента У, соответствующего имеющемуся здесь и теперь идентификационному элементу ПИР — Х, принятие сигнального элемента У порождает выбор в нем альтернативы «У — нет, отсутствует», вместо, альтернативы «У — в наличии».

Важно отметить, что в ИКС п.в. эти три случая сами по себе, прямо и непосредственно в нею самой не различаются, их наличие может установить только внешний наблюдатель, которому известно ее устройство и функционирование. Если рассматривать ее как простейшую «самореферентную систему (по фон Ферстрера «кибернетике второго порядка»)», то даже идентифицируемая сигнальная информация в ней о её собственной структуре и организации функционирования адекватного и результативного, у аналога ее идентифицирующего «внутреннего наблюдателя», принципиально неполная, т.е. это не вполне «самореферентная система». Например, регуляционные элементы ПИР в ней есть и процессы реализации ими РВ в регуляторных микроциклах, а прямой и непосредственной информации в них об этом в ней нет, она не получится, ибо ИКС п.в. «одноэтажного устройства» и только «последовательного действия», с только «предварительным контролем условия для РВ» и завершающем контролем результата реализации РВ».

В отличии от комплексных «двухэтажных» по внутреннему устройству ИКС, где есть аналог управляющего устройства УУ с ЗУ, хранящим запись считываемых программ, и исполнительное, ИУ «считывающее — реализующее считываемую запись программы в ЗАРФ ИУ», где внутренняя структура и организация функционирования ИУ в его внешней ЗАРФ имеет «закодированную репрезентацию (в записи программы в ЗУ на соответствующем алфавите сигналов соответствующих носителей элементов ЗУ)».

Т.е. в этой направленности такого вида КИКС, вполне самореферентная ИКС, она имеет полную и точную информацию о самой себе, точнее, об устройстве своего «первого этажа», как «обозначаемом в обозначающей» его «записи программы в ЗУ» (феномен наличия в КИКС аналога «протосемантики» и самореферентности: потенциальная информация о ее первом этаже, хранится на ее втором этаже в ЗУ ее УУ).

Рассматриваем здесь пока что случай только реализуемой адекватно считываемой записи программы, причем, реализуемой лишь косвенно и опосредованно, только через декодирование считывающим - реализующим ИУ, адекватно и результативно реализуемой в соответствующей его внешнем ЗАРФ.

Даже косвенно, опосредованно получаемая в ИКС п.в. информация, например, через идентификационные элементы «контроля результата реализации РВ», реализуемого всегда, например, после мезоцикла данной пары «идентификатор сигнала - А — реализатор РВ - В», получаемая информация об отсутствии стандартного результата данного РВ (как объективное следствие ошибочной идентификации в А), так же не позволяет в самой ИКС п.в. различить эти три разных вида «ошибочной идентификации», ибо для реально возможной реализации в ней тех или иных типов корректирующих итераций, воздействий, в этом нет никакой необходимости, установление наличия здесь и теперь неадекватного и безрезультатного РВ — необходимое и достаточное условие для реализации процессов корректировки.

Выражаясь метафорически и антропоморфно «знание о различии причин ложности знания о наличии операнда, регулируемого объекта может появляться только на основе знания об отсутствии стандартного результата стандартной операции с ним, его преобразования», например, у нам подобных, как внешних наблюдателей ИКС п.в., в самой исследуемой дискретной ИКС п.в., последовательного действия прямой и непосредственной информации о ложности информации полученной в итоге предварительного идентификационного «контроля условия» — нет, иначе, не было бы и необходимости в дополнительных видах идентификационных элементов «контроля результата РВ» для корректировки.

Такое модельное, упрощенное, «карикатурное», но, полное и точное на данном уровне обобщения понимание прототипной проблемы «признаков, критериев истинности — ложности знаний» может использовать когнитологический подход.

Речь идет о «критериях, признаках различения: А. адекватных и результативных идентификации, распознаваний, в их двух альтернативных вариантах (выбор из двух состояний: есть соответствующий сигнал или его нет), и полученной в них информации правильной; от В. неадекватных и безрезультатных идентификаций, распознаваний, в их трех вариантах, с ошибочной полученной информацией.

Таковые объективно существуют для любых внешних наблюдателей — измерителей, имеющих информацию об устройстве функционирования данной ИКС п.в.:

А. это прямые и непосредственные признаки, критерии (см. выше);

В. это косвенные и опосредованные признаки, критерии (см. выше).

А какие виды неадекватных и безрезультатных РВ существуют в макроциклах ИКС п.в.?

1 вид. На регулируемый элемент ЗАРФ -А реализуется ему не соответствующее, не адекватное и безрезультатное, с побочными последствиями, отклонениями от стандарта конечного результата РВ — В (не своевременное и не уместное), вместо, соответствующего элементу ЗАРФ - А, адекватного и результативного РВ — С («ошибочное действие - В, вместо необходимого действия - С, в ситуации А»).

2 вид. На пустой локус ЗАРФ реализуется ему не соответствующее, не адекватное и безрезультатное, часто, если не всегда, с побочными последствиями, РВ — А или В, или С (не своевременное и не уместное, избыточное по затратам, потерям, вредное), вместо, соответствующего, адекватного отсутствия, блокирования любого РВ, сохранения состояния «пассивности», из их множества в ИКС п.в. («действие, при необходимости бездействия, не деяния, соблюдения табу»).

При этом, учтем, что простейшие ИКС могут и не иметь «автотранспортирующих РВ» для смены координат их ПИР относительно локусов их ЗАРФ, для поиска адекватных элементов ЗАРФ в его локусах, как лишен таковых и «нормальный алгоритм» по Глушкову, в отличии от «машины Тьюринга», обобщением которой его модель и является.

3 вид. На локус ЗАРФ с регулируемым объектом - А, не реализуется ему соответствующим, готовым к реализации регуляционным элементом ПИР - С, здесь и теперь имеющим место, адекватное и результативное РВ, вместо, этого сохраняется «пассивное состояние», блокинг реализации всех регуляционных элементов ПИР, соответственно, отсутствует стандартный конечный результат «своевременный и уместный» («бездействие, не деяние, при необходимости действия, деяния, не своевременное и не уместное

соблюдение табу»).

Рассмотрим точный анализ простейшего, идеализированного случая, пример соотношения количества адекватных — результативных и количества неадекватных и безрезультатных РВ, регуляторных микроциклов «своевременных и уместных» и регуляторных псевдомикроциклов, «несвоевременных и неуместных» в дискретной ИКС п.в., при последовательном, строго линейном макроцикле, при определенных условиях реально возможном. В общем случае, имеем его матричное (табличное) описание, в котором единственная последовательность разнообразия регуляторных адекватных и результативных микроциклов отображается главной диагональю квадрата для описания макроитераций макроцикла (именованные его строки для множества элементов ПИР ИКС п.в., именованные его столбцы для множества им соответствующих элементов ЗАРФ ИКС п.в., без учета идентификационных микроциклов, плюс для одного из регуляционных элементов ПИР — пустой локус ЗАРФ ИКС п.в.). Следовательно, все остальные неадекватные и безрезультатные, несвоевременные и неуместные регуляторные псевдомикроциклы отображаются множеством клеток матрицы под и над ее диагональными клетками.

Допустив усложнение, имитирующее тривиальную эволюцию ИКС п.в., по т.н. «естественному закону роста линейной сложности» разнообразия структуры макроцикла, состоящего только из различных регуляторных микроциклов, без мезоциклов, мы получаем систему 3-х уравнений и график 3-х функций (сформулировано в математической форме по нашей просьбе П.О. Лукша): 1. ($y = x$); 2. ($y = x$ квадрат); 3. ($y = x$ квадрат — x).

Здесь x - количество диагональных клеток (адекватные и результативные, своевременные и уместные РВ), x квадрат — количество всех клеток квадрата, а (x квадрат - x) - количество под и над диагональных клеток квадрата (неадекватные и безрезультатные РВ, не своевременные и неуместные РВ). Из этой простейшей закономерности «естественного роста сложности структурного разнообразия макроцикла» следуют, видимо, некоторые и чисто математические объяснения и предсказания о последствиях линейного усложнения структуры макроцикла такого «вырожденного» случая ИКС п.в., ибо в пределе число в разности = (x квадрат — x) возрастая стремится к максимуму по доле в числе = (x квадрат), а число = (x) — убывая стремится к минимуму по доле в числе = (x квадрат).

Вероятность реализации неадекватной и безрезультатной макроитерации макроцикла «одноэтажной» дискретной ИКС п.в., «вырожденного» случая, только из множества регуляторных микроциклов, без идентификационных, возрастает нелинейно при пошаговом линейном росте его сложности структурного разнообразия и начинает абсолютно доминировать, быть наиболее максимально вероятной, после некоторой величины его линейного усложнения.

Отложим специальное и полное рассмотрение связей между неадекватными и безрезультатными идентификациями, распознаваниями и неадекватными и безрезультатными РВ, укажем только на то, что наличие тех или иных связей или их отсутствие между ними не единственный вид причин информационно — кибернетический стихий в ИКС п.в..

Объективные данные об ИКС п.в., комплексных ИКС, из ИКС п.в. и их

«вырожденных случаев», позволяют точно дифференцировать, согласно дискретной модели, провести демаркацию множества адекватных и результативных и множества неадекватных и безрезультатных идентификации и РВ в их микроциклах, мезоциклах макроитераций их макроцикла.

В этом смысле, можно предположить, что «проблема дифференциации истинного и ложного конкретного знания, используемого в воспроизводящейся многократно конкретной социокультурной практике», видимо, так же не является, в общем виде, «не разрешимой проблемой», ибо есть и такое конкретное искусственное, целенаправленное (целесообразное), которое дает наибольшую вероятность реализации именно адекватной и результативной, конкретной социокультурной практике, как «рационально контролируемой и управляемой, искусственной стихии, в прошлом только естественной».

Всадник успешно скачет на коне в выбранном им направлении, с выбранной им скоростью.

Точнее, всадник в большинстве случаев, при тех же самых прочих условиях, адекватно и результативно скачет на коне.

Лидер группы, менеджер организации в большинстве случаев, при тех же самых прочих условиях, управляет и контролирует адекватно и результативно воспроизводством адекватной и результативной совместной групповой деятельностью членов реальной группы, разделением в кооперации труда сотрудников организации.

Но, объективное наличие «океана» стихийной активности внутри и вокруг «корабля» целенаправленной социокультурной практики, неустранимость связи искусственного с естественным может всегда и в этих случаях проявиться в неадекватности и безрезультатности опыта ее очередного воспроизводства нам подобными.

На наш взгляд, когнитологический подход позволяет внести существенную определенность, большую точность в постановку и поиск решения «вечной проблемы философской эпистемологии (существует ли истинное знание, чем оно отличается от ложного знания, каковы основания и критерии истинности — ложности знания, ее мера?)», истолковывая ее по аналогии, как проблему рационального объяснения и предсказания экспериментальных данных о «истинном знании и реализуемом плане, с проектом результата, с той или иной мерой эффективности, в котором это знание используется, и о ложном знании и не реализуемом плане, с утопическим проектом результата, в котором это знание используется», даже при использовании в когнитологических исследованиях самых простейших научных моделей устройства функционирования ИКС п.в. и немногим более сложных моделей КИКС.

См. дополнительную к данному разделу ст. автора на сайте «Проблема исследования «истинны, как ценности и ценности, как истинны» в экспериментальной когнитологии».

Далее целесообразно использование в когнитологической информационно — кибернетической модели «теоретико — вероятностных языков — теорий», например, применительно к измеряемым вероятностям 3-х видов неадекватных и результативных идентификаций, распознаваний и 3-х видов реализации неадекватных и безрезультатных РВ, а так же, условных вероятностей для их корреляций в мезоциклах и

макроитерациях дискретной ИКС п.в..

Достаточно указать на случай «равновероятности» того или иного вида неадекватности — безрезультатности (или всех видов, суммарно) и адекватности — результативности, когда мера рациональности — иррациональности воспроизводства целенаправленной социокультурной практики в более или менее идентичной стартовой проблемной ситуации приблизительно равно 0,5 (мера между 0 и 1, как в логике Заде) и тем не менее она воспроизводится, например, при игромании, при предпринимательском социоэкономическом и оргуправленческом гиперавантюризме, или политическом гиперавантюризме, в аналогах самоубийственных а ла «русская рулетка», в магических ритуалах имитационной магии первобытных культур, при соучастии в воспроизведении культовых псевдопрактик «молитвы Богу (т.н. умиловительных культов)» той или иной мировой религии.

Другой путь усложнения используемой модели ИКС п.в. в когнитологическом подходе связан с учетом «спектральности идентификационных и регуляторных микроциклов», когда мера их «адекватности — неадекватности и результативности — безрезультатности» является не дискретной, а дискретно — непрерывной (подобно мере «истинности — ложности» в «логике Заде»), но, не в статистическом только лишь дискретном смысле, а в смысле распределения вероятностей на дискретно — непрерывном множестве отклонений от стандарта, в т.ч. результата РВ, например, на числовой оси, где точка 0 и есть стандарт, а точки +1 и -1 пределы отклонений в обе стороны, положительную (например, по возможной оценке полезности для воспроизведения мутаций, рекомбинаций) или отрицательную (-вредность).

Есть критические точки символизирующие в равной мере «рациональность — иррациональность» воспроизведения такого рода микроциклов, мезациклов макроцикла ИКС п.в. и моделируемых им прототипов воспроизводства социокультурных практик.

3. Универсальность рационального и иррационального в отношении человека к действительности, при его столкновении с разнообразием «стихий» (ракурс социокультурной антропологии).

Социальная антропология, культурная антропология тематически, на наш взгляд, ориентированны на исследование проблемы антропосоциокультурогенеза на Земле и в биогеоценозах ее биосферы и проблемы вариантов сценариев будущего рода человеческого на Земле и в Космосе, в условиях техногенеза нового варианта техносферы, с безлюдными, автоматическими, роботоконпьютерными технологиями, с искусственным интеллектом для самосовершенствования и способностью к автономному самовоспроизводству их «технопопуляций». Но, традиционно к базовой антропологической тематике относится, на наш взгляд, и проблема существования «универсального рационально - иррационального отношения человека к действительности» и его видов, его естественно — искусственной эволюции. Эпоха Просвещения, в лице Карла Линнея, дала нашему виду именование «Homo Sapiens

(человек разумный, рациональный)”, но, уже давно стало понятным то, что нам подобных более или менее часто можно именовать и альтернативно - «*хомо иррационалиус*» (человек иррациональный, иногда, явно «безумец»)).

3. 1. «Рациональное — иррациональное» есть универсальная мера управляемости-стихийности (неуправляемости) процессов взаимодействия человека с действительностью, часть которой он сам и его взаимодействия с ему подобными.

Если его социокультурные программы, в т.ч. осознаваемые им как «планы достижения желанных целей», адекватны и результативны в соответствующих им проблемных ситуациях, то он оценивает данную практику их реализации, и, иногда, сами эти социокультурные программы, как в достаточной и необходимой мере «рациональные». Если он может еще повысить такой практики меру эффективности, аналог ее КПД (количество затрат ценных ресурсов на единицу стандартного качества ценного результата), то он именует этот процесс и его итог «рационализацией» (штамп о воспроизведении таковых - «разумное поведение»)

Если они не адекватны и безрезультатны, соответствующие им практики нереализуемы в им казавшихся соответствующими проблемных ситуациях, то он оценивает их и попытки их практической реализации как «утопические», в основном и по преимуществу «иррациональные» (штамп о воспроизведении таковых - «безумство»).

Это мера не чисто дискретная (1 — рациональное или 0 — иррациональное, как в традиционной матлогике), а дискретно — непрерывная (как в «логике Заде», она включает в себя и значения оценки между 1 и 0). Т.е. теоретически допустимы оценки, где «рациональность равна иррациональности» в тех или иных социокультурных программах и практиках их реализации в соответствующих проблемных ситуациях, с точки зрения человека их воспроизводящего. Например, их воспроизводящего в следствии того, что никаких иных социокультурных программ и практик для «жизненно - важного» разрешения такого вида проблемных ситуаций в доступном ему или в любом социокультурной опыте просто пока что нет. Допустим, он так называемый «профессиональный» карточный игрок и ничего в мире профессий и специальностей больше не умеет и-или не хочет делать, для «зарабатывания средств для жизни» (известно, что есть его реальные прототипы в соответствующих кругах общения) или «слепо верующий религиозный фанатик».

Существенно осложняется правильная, не ошибочная оценка меры «рациональности — иррациональности» человеком в условия наличия более или менее отдаленной перспективы реализации конечных целей социокультурной программы (иногда, даже со сменой многих поколений соучастников того или иного социокультурного движения), в то время как в современных практиках исходные и промежуточно необходимые ее цели более или менее реализуемы или в равной мере «рациональны = иррациональны», или даже явно «иррациональны, утопичны». Известный феномен «веры, надежды, любви» относительно столь желанного, но, отдаленного будущего и тех, кто ведет к нему «верующих, надеющихся, любящих», в

современности практически нереализуемого, может породить:

как 1. великие длительные культурные творческие усилия, подвиги подвижников, в конечном счете, в отдаленном будущем реализующиеся;

так и 2. массовый длительный фанатический энтузиазм, с массовой «слепой верой», нередко самоубийственный для целого ряда поколений соучастников такого рода социокультурных движений.

Например, в 1-м случае - созидание феномена и института фундаментальных наук математического экспериментального естествознания и прикладных технонаук на их основе - многими поколениями великих ученых, инженеров - изобретателей и их последователей, особенно Западно — Европейской Цивилизации, посвятивших свои жизни этому их «общему делу — общей мечте» о «научном знании, как рационально обоснованной научным методом истине и технологической силе, как необходимым условии человеческой свободы».

Например, во 2-м случае - такова массовая охота на ведьм и еретиков во главе со святой инквизицией, крестовые походы, революционные, светские и религиозные, движения «алчущих наступления Рая на Земле (как минимум, для избранных)» в прошлом веке и даже начале нынешнего века.

Сама оценка человеком меры «рациональности — иррациональности» часто, если не всегда, оказывается может быть в той или иной мере «правильной, рациональной — ошибочной, иррациональной» в условиях наличия в социокультурной программе и практике ее реализации большого и длительно реализующегося разнообразия иерархии исходных, промежуточных и конечных целей. Чем большее разнообразие и длительность этой иерархии целей, тем большая вероятность того, что велика «ошибочность, иррациональность» человеческой оценки меры «рациональности — иррациональности» данной программы и практик ее реализации. Разнообразие сложных статистических закономерностей в спектре возможного социокультурного (в т.ч. социотехнологического, социоэкономического, социополитического) будущего делает его более или менее непредсказуемым, а следовательно, и управляемым, по программе, не производимым. Это явно обнаруживается уже в практическом систематизированном опыте «стратегического инновационного менеджмента фирм», а так же в опытах управления социокультурной эволюцией феномена и института фундаментальных и прикладных наук в прошлом веке и в начале нынешнего века (феномен «неуправляемости научных революций и технологических»).

Сложность однообразия и разнообразия структур целого и организации его функционирования устойчивого в его среде, усугубляется сложной хаотичностью процессов воспроизводства целого и его функционирования в его среде и их коэволюции, та или иная мера «иррациональной неуправляемости» тех или иных человеческих «рационально управляемых» практик — неустрашимая вечная неизбежность.

3.2. Можно предполагать, на основе опыта конкретных наук, что имеет место рост такого рода структурной и процессуальной сложности в переходах от «неживой природы (1-го порядка иерархия) к живой, от (2-го порядка иерархия) живой природы к (3 — го порядка иерархия) социокультурной жизни нам подобных», обусловленный хотя бы уже тем, что в иерархии третьего порядка на ее нижележащих уровнях включены иерархия второго порядка и иерархия первого порядка.

При этом, параллельно возрастает роль «необратимости, неповторимости, уникальности» каждого единичного отдельного целого, его функционирования, воспроизводства, коэволюции с его средой сравнительно с ростом меры его структурной и процессуальной сложности: от почти или полной качественной тождественности единичных экземпляров элементарных частиц, атомов, молекул вещества и локусов полей фундаментальных физических взаимодействий к уникальности вариации данного экземпляра каждой живой особи популяции вида даже прокариот (безъядерных, одномембранных простейших бактерий, с т. н. нитчатой ДНК) в видотипичной эконише и далее к уникальности каждого живого человеческого организма, его личной судьбы — биографии в его гендере, к уникальности этносов и их этнокультур, к уникальности идентичного вида социокультурных групп каждого вида социума — культуры, к уникальности Цивилизаций рода человеческого на Земле и его самого в Космосе.

Не обратимость — не воспроизводимость, в неживой природе существует прежде всего или только в смысле «термодинамической стрелы времени», неповторимость — уникальность, роль уникальности единичных экземпляров разновидностей и видов жизни в эволюции нарастает при росте структурной и процессуальной сложности целостных образований в их среде в ходе их глобальной эволюции. Но, уникальное неуправляемо по социокультурной программе, ибо она более или менее алгоритмична, а оно не воспроизводимо, неповторимо, возникает и существует как итог стихийного по процессу и неопределенности цели творчества, например, художественное произведение - шедевр уникального скульптора, художника, писателя, поэта, музыканта и танцора.

Конечно, в играх с черным ящиком, где неведомые стихии внутри, может быть так же реализована некоторая социокультурная программа, например, перебора в случайной последовательности всех возможных регулирующих воздействий на входы черного ящика с наблюдением — измерением всех получаемых последствий на выходах черного ящика (в качестве такового для каждого из нам подобных может выступить и он сам), которая, видимо, имеет основу и в биологии человека (биомеханизмы интеллектуального самообучения новому пробно - поисковому поведению в новых проблемных ситуациях, феномен «естественного прединтеллекта, с естественной предрефлексией). Но, эта активность лишь направлена на поиск адекватной и результативной программы управления, а сама таковой не является, ибо получение таковой отнюдь не гарантировано и может зависеть именно от уникальности данного «пробующего, ищущего», от уникальности его выбора из возможных альтернатив, в т.ч. уникальных, и уникальности его поступка в уникальной ситуации (См. кн. В.А. Конева и трактат Бахтина «К философии поступка»).

Именно таковы процессы порождения великих открытий и изобретений принципиально нового, создания шедевров искусств, создания и реализации принципиально новых социополитических и социоэкономических институтов, организаций, движений, новых нравственно — моральных верований в ценности и образцов жизни в соответствии с ними (иногда в религиозной, иногда в светской форме, например, произведений искусств и жизни их творцов, произведений философии и философского образа жизни их творцов).

Это парадоксальное неустрашимое и ценное иррациональное на службе роста рациональности человеческой жизни в океане ее вечно бушующих внешних и

внутренних стихий. Важно помнить о том, что и опыт воспроизведения великого открытия, изобретения, шедевра искусства и т.д. есть так же более или менее иррациональный процесс имитационного творческого самообучения — самовоспитания, каждый последователь великого новатора становится как бы его соавтором, внося свою уникальность в попытки воспроизведения великого культурного новшества, в процессе его более или менее творческой имитации.

Даже в простейших процессах начальной социализации — аккультурации наших детей ими реализуется более или менее творческое, с растущей уникальностью, имитационное самообучение и самовоспитание, а не просто и только лишь «копирование, воспроизведение демонстрируемых учителями — воспитателями, родителями и педагогами образцов поведения в ситуациях, взаимодействиях и взаимоотношениях с им подобными».

Биозадатки этого у разных детей разные, как и мера уровня их последующего индивидуального развития в зрелые социокультурные «потребности и способности», оценки ценности и компетенции. Здесь биоистoki человеческой уникальности, «индивидуальности» синтезируются в целое и сталкиваются с социокультурными ее истоками и ограничениями, модификациями «личной судьбой — биографией» каждого из нас.

Выше уже упоминалось, что где и когда, у каких родителей, в каком этносе, гендере, касте, сословии, классе какого вида социума — культуры, типе Цивилизации мы рождаемся от нас самих не зависит, стартовая позиция и роль «новорожденного» у каждого из нас им самим рационально не выбирается и лично каждой индивидуальностью длительно неуправляема, ибо меняется не по выбранной или созданной ею «социокультурной программе». Возникновение каждого из нас, не просто «случайный процесс», но, во многом именно «иррациональный уникальный процесс», и биологически, и социокультурно. Иное дело смерть каждого из нас, ибо иногда мы движемся к ней целенаправленно, например, в эгоистическом или альтруистическом суициде, индивидуальном или групповом.

3.3. Рациональное и типичное мы предполагаем возможным описать с помощью иерархии категорий нашего языка и мышления, с помощью универсальных понятий о «родах, видах рода и разновидностях вида», в многоаспектных классификациях, конструктивных описаниях в конструкторе, в виде «воспроизводимого при передаче — приеме знания», со стандартным набором вопросов и стандартным набором ответов, которое, в простейшем случае, есть описание в текстах языка культурной общности «социокультурной программы» адекватной и результативной, периодически более или менее идентично практически нам подобными воспроизводимой в более или менее идентичных проблемных ситуациях.

Попытка описать идентичным образом иррациональное и уникальное есть утопия: 1. описание иррационального процесса возможно, но, его воспроизводство по описанной социокультурной программе невозможно, ибо адекватной и результативной программы относительно иррационального нет, поэтому оно и «неуправляемая стихия»; 2. описывая уникальное единичное в универсалиях языка и мышления мы в нем описываем только типичное, родовое, видовое, разновидностное, то, что в нем тождественно, идентично, идентифицируемо в другом и с помощью другого, ибо для

описания его отличий, различий, не тождественности, нам приходится снова, апеллировать к другому, иному чем первое другое.

Отождествление и различие в процессе сравнения, сопоставления с социокультурными эталонами разнообразными (например, и воспроизводимыми нами в нашей практике, и в ней используемыми адекватно и результативно) в простейшем случае дает нам информацию типа:

1. « x - тождественно с y , по признаку - a , и x - тождественно с z , по признаку - b , но, по признаку b - x отлично от y , а по признаку a - x отлично от z »;
2. «поэтому, x есть x , отличное и от y , и от z » .

Например, два разных цвета данного экземпляра цветка или флага относительно традиционного эталона разнообразия цветов «спектра радуги». Наличие двух разных отождествлений дает нам отличие x от двух эталонов, с которыми оно отождествляется, комбинация, например, двух видов признаков x (a + b) у данного третьего вида в его данном единичном экземпляре делает его отличным от y и от z , не принадлежащим ни к тому, ни к другому из этих двух множеств по отдельности, но, принадлежащим к их пересечению, а не к дополнениям каждого из них (диаграмма Эйлера - Венна).

Иррациональное, неуправляемое и неконтролируемое идентификационно, не имеющие диагноза стихии тем или иным образом для нас и нами частью символизируется, как неведомое целое X , как, например, А. символы в религиозных ритуалах, культах и мифах имитационной магии, В. символы в произведениях театрального искусства (спектаклях театральной труппы для публики и их сценариях), С. символы в психодрамах социальной психотерапии (их сценариях у психотерапевтов и их исполнении их пациентами), Д. символы в матуравнениях, без содержательной их концептуальной интерпретации в научной теории, онтологизируемых нами внутри «устройства черного ящика математических структур» исследуемых феноменов, с которым мы реализуем «игры разума» на входах и выходах.

Это традиционная тематика всех возможных «философий символических форм», как их можно обозначать со времен написания и публикации одноименной книги Э. Кассирера, а так же, исследований и практик терапии «фрейдистов, неопрейдистов, фрейд — марксистов», антропологии «структур индивидуального и коллективного бессознательного», а в 19 веке последователей А. Шопенгауэра, Ф. Ницше «отцов — основателей философий жизни». Знатокам хорошо известны и российские символисты в искусстве и философствовании.

При этом, даже в форме текста понимаемого (вопросно — ответной формы) символ, как часть символизируемого им неведомого неуправляемого целого X стихий, не есть только лишь и по преимуществу знание, ибо осознается и вербально представлен, он есть прежде всего или только лишь «жизненно - важная выраженная оценка ценности» символизируемого для и относительно символизирующих, иногда уникальная, как сам символизирующий. Символ, есть род сигналов сигнализирующих о сигнализируемом, но, не дающих или почти на дающих нам о символизируемом X информации, как снятия неопределенности, но, явно и сильно указывающих на положительную или отрицательную большой величины ценность X для нас его символизирующих (малоценное, обычно не символизируется, даже если это X).

Символ, даже в тексте социокультурной коммуникации с вопросно — ответной

формой следов диалога на языке языковой общности в ее социальной памяти, может быть в равной мере и «знанием», и «верой», и «сомнением», и «отчаянием и надеждой», и «ненавистью и любовью», он всегда предельно ценностно — эмоционально насыщен, и иногда, это его ценностно — эмоциональное насыщение — уникально, ибо уникален процесс его создания и сам его создатель.

Естественно, что философы иррационального, как наследники и отрицатели классических традиций философов рационального (т.е. представители философии жизни, фрейдизма и неопрейдизма, феноменологии непознаваемого, экзистенциализма и герменевтики, постмодернизма и т.п.), столкнулись с проблемой невыразимости в языке и мышлении уникальности единичных экземпляров рода, вида, разновидностей (ибо давно известно, что «любые слова текстов языка — обобщают», даже «имена собственные», в отличие от прямых и непосредственных жестовых указаний здесь и теперь, т.н. «остенсивных, молчаливых определений»), особенно в воспроизводстве и эволюции социокультурно — антропологических практик человеческой индивидуальности, с феноменом «уникальной личности».

Аналогичная проблема есть в описании уникальности этнических культур одного и того же вида социумов, в уникальности типа Цивилизации (отсюда концентрация в сравнительном культуроведении прежде всего на уникальности культур социумов, в отличие от сравнительного обществоведения концентрации на их типичности для данного типа социумов).

Именно феномен человеческой индивидуальности и человеческих взаимоотношений в уникальности межличностных кругов общения проявляется в типовом феноменах «родства», типовой «деловой, боевой солидарности», в коллективном свободном сотворчестве - соревновании соавторов, именуемых великими символами «Родство», «Дружба», «Любовь», символизируемое которыми Х до сих пор во многом - «тайна великая есть».

Не выразимое в текстах языка иерархией сети категорий рационального мышления и есть «иррациональная часть целого», и подобно иррациональному, уникальное имеет единственный путь для своего выражения — путь использования и создания великих символов, как «ценностно — эмоциональных (а не только лишь «текстово-знаниевых», наличие которых необязательно, ибо в функции символа символизируемого для символизирующих может выступить что угодно)» частей символизируемого неведомого целого внешних и внутренних стихий в «черных ящиках», с которыми мы «играем в творческие или традиционные игры по правилам и без правил», иногда, с «верой, надеждой и любовью» (оптимизм, в т.ч., почти всех Мировых Религий) на возможную в будущем большую «рационализацию иррационального», иногда, в «безверии, отчаянии и ненависти» (пессимизм, включая «героический», а ла А. Камю «Бунтующий человек» и «Миф о Сизифе»), вплоть до разрушения «всего и всякого до основания» и саморазрушения («культ потребительства, без творчества», «культ свободы, без солидарности», культовое соучастие в вакханалиях индивидуальных и массовых агрессиях против «символов Врага», в боях без правил, уголовная романтика, алкоголизм, наркомания, суицид).

Игнорировать наличие неведомого и неуправляемого Х, символизировать его в ритуалах и верованиях, эмоционально — оценочных переживаниях религиозных

псевдопрактик и в практиках искусств или стремиться к его научному познанию и рациональному управлению им — вот в чем вопрос!? Здесь есть одна из важнейших точек нашего возможного более или менее свободного выбора из данных альтернативных видов универсального отношения человека к действительности, с его неустрашимой объективно мерой «рациональности-иррациональности (больше 0 и меньше 1)», субъективно нам подобными оцениваемой.

При всей уникальности и иррациональности этого процесса выбора из данных альтернатив человечеством накоплена определенная культура индивидуальной реализации данных процессов выбора, на которую уникальная индивидуальность каждого из нас может опереться. Об этом многое в шедеврах художественных, изобразительных и музыкальных искусств великих художников, и музыкантов, в их биографиях, в шедеврах философских произведений великих философов и уникальных образцах их философского образа человеческой жизни. Их жизнь и творчество дают нам символизирующие образцы опытов «постановки иррационального на службу рациональному» и, наоборот, в т.ч., в направлении вечного поиска их гармоничной, гуманной меры.

Иррациональное шире по разнообразию, чем уникальное, но, всякое уникальное более или менее иррационально. Ведь иррациональное, стихийное может потом, когда то и где то кем то, для кого то оказаться и типичным, целенаправленно воспроизводимым (рода, вида, разновидности - экземпляроподобными репрезентациями), а подлинно уникальное, как единичный и единственный экземпляр, принципиально рационально не воспроизводимо, иначе, это не уникальное.

Рационально репродуцируемые копии, максимально подобные имитации с шедевров искусства, философии и жизненных биографий их творцов мало ценятся, а рационально репродуцируемые копии, максимально точные имитации с новых научных теорий и рациональных технологий всегда ценились, в сообществах специалистов, высоко, хотя копировать жизненную личную биографию их творцов, с максимальной точностью, вообще говоря, малоценное занятие (зачем, в итоге, открывать Америки и изобретать велосипеды?), да и практически в принципе это не реализуемый, утопический выбор, ведь они уникальны, т.е. не воспроизводимы.

Рациональное отношение человека к действительности есть там, где он уже может выбрать адекватную и результативную, воспроизводимую целенаправленную практику, с результатом соответствующим выбранной им цели, с устраивающей его вероятностью, где стихии укрощены, из естественных трансформируются в искусственные, а иногда, и уже достигнут ее максимум КПД, уровень эффективности. Его мера «рационального — иррационального» меньше 1 и больше 0,5.

Это «технологичность воспроизводимой, в т.ч. другими, практики», в принципе могущая быть переданной для автоматического воспроизводства более или менее сложными роботокомпьютерным устройствам («безлюдные технологии»). «Технологичные, воспроизводимые по стандарту практики» существовали и существуют отчасти и до сих пор, как до и вне научные практики, но, все более и более в наиболее развитых видах современных социумов — культур — они есть культурные новшества, как результат воспроизводства и развития феномена и макроинститута «фундаментальных и прикладных наук», сообществ творческих ученых и инженеров (сноска).

Генезис нового устойчивого конкретного рационального отношения человека к конкретной части действительности никогда не бывает вполне рациональным, особенно в «филогенезе новшества», во многом этот процесс иррационален, ибо открытие неизвестного, не познанного x происходит на грани известного и неизвестного, или даже как открытие X до сих пор неведомого (термины предложены МАР), как и изобретение ранее неизвестного x , на грани рационализации уже адекватной и результативной практики, рекомбинации рациональных практик уже известных, или изобретение принципиально ранее невозможной практики X , не имеющей прототипов.

Например, таков генезис растениеводства и животноводства, с ремеслом и искусством селекции для акульгурации, доместикации естественных живых организмов, в эпоху неолита, как старых до и вне научных биотехнологий с-х назначения, таков генезис ядерных технологий, лазерных технологий, геной инженерии, как новой биотехнологии, зачатых и рождавшихся в материнском лоне науки прошлого века. Если речь идет об открытии неведомого X или изобретении X , без прототипов, то иррациональность генезиса таких рациональностей всегда достаточно хорошо демонстрируется историей науки и техники, биографиями открывателей, изобретателей X .

Иррациональное отношение человека к действительности существует там и тогда, где и когда человек сталкивается со стихиями, порождающими важные для его индивидуальной, групповой социокультурной жизни сильно отрицательные или положительные по последствиям влияния, воздействия, причем, эти стихии им «рационально, воспроизводимо с достаточной вероятностью, неуправляемые, в т.ч. и не контролируемые (или контролируемые, идентифицируемые, диагностируемые, прогнозируемые, но, целенаправленно не регулируемые, не излечимые, не устранимые — не преодолимые)».

В классических и простейших случаях наши попытки реализовать целенаправленную социокультурную практику оказываются неадекватными и безрезультатными, по неизвестным или даже неведомым нам причинам, всегда или со слишком большой для нас вероятностью, именно, с точки зрения, «удовлетворения человеком жизненно важных для него потребностей, в направленности жизни на ее для него Смысл, на сохранение или достижение базовой ценности». Т.е. в такой экзистенциальной ситуации для индивида — личности, их реальной более или менее организованной группы, нет иных видов рациональных социокультурных практик, могущих заменить данную неадекватную и результативную, в некоторых случаях даже идентифицировать, диагностику провести причин неудачи, не успеха, спрогнозировать исходы оказывается не возможно, не говоря уже о изобретении «технологичной практики», любым путем, реализации любых РВ устраняющих данный блокинг «удовлетворения потребности».

Пробно-ошибочная интеллектуальная активность может иметь место, но, в отпущенное жизнью или смертью время, этот поиск открытий и изобретений не укладывается, от этого пути к рационализации иррационального нам подобные — отказываются.

Далее, с большой вероятностью, наступает доминанта эмоциональной аффективности, с константой колебаний между хаотической агрессивностью, озлобленностью, активно

деструктивным поведением неопределенной, хаотической направленности, вплоть до аналогов «маниакальности» (стенические, но, отрицательные эмоциональные оценки ценности типичные при фрустрации для сильно холерического типа эмоционального темперамента) и пассивностью, с пассивным аутоагрессивным, самодеструктивным поведением или без этого (астенические, отрицательные эмоциональные оценки ценности, типичные для сильно меланхолического эмоционального темперамента), вплоть до аналогов «депрессии, апатии, ступора».

Далее, эта - «работа вразнос (иногда явно подобная «колебаниям эмоционального маятника» в легких и тяжелым форма циклических «маниакально — депрессивных психозов»)» человеческого организма, «эмоционально взаимно идентифицирующего, с легко и просто реализующимся взаимным эмоциональным заражением и подражанием» множества нам подобных в реальной контактной группе, завершается, с большой вероятностью, теми или иными значительными отрицательными поведенческими последствиями для жизни участников столкновения с «неизвестными и направляемыми стихиями», природного и -или социокультурного, и-или внутри индивидуально-личностного, биографического происхождения.

Специалистам в исследованиях по философии религии, «религиозной психики и поведения верующих» в психологии, в социологии и культурологии, истории и антропологии религий, а так же, психиатрам и психотерапевтам при лечении «прижизненно приобретенных неврозов» пациентов, формирующихся в итоге их столкновения со стихиями, в аналогичных травмирующих экзистенциальных жизненных ситуациях, этого типа факты давно более или менее известны.

Иногда «приобретенный невроз» сильно подобен «религиозному обращению», а последнее - «приобретенному неврозу», особенно, если в т.м. и другом случае доминирует устойчивое, воспроизводимое, ритуализированное «иррациональное отношение человека к действительности», с точки зрения здорового, разумного человека или «не верующего в мифы и культы данной религии» обычно идентифицируемое и оцениваемое, как более или менее «безумное поведение».

Наша гипотеза о «природе символов стихий, неведомых и неуправляемых, не контролируемых» следующая. При доминанте иррационального отношения человека к действительности символом Z - символизируется не только 1. неизвестное, не ведомое и неуправляемое, не контролируемое, стихия - X символизирующим ее человеком, с ней столкнувшимся, но, еще и 2. «неудовлетворимая, жизненно важная потребность У, не сохраняемая, не достижимая базовая ценность У» у символизирующего, столкнувшегося со стихией X человека.

Только так можно понять и объяснить странную энергетическую мощь влияния символов на символизирующего, на сообщество символизирующих, и их явную внешним наблюдателям «эмоционально — ценностную насыщенность», крайнюю выразительность, экспрессивность, и то, что такое для «верующих в символы кощунство, святотатство в процессе профанации священного и неприкосновенного», и то, почему диалог разумный, с преднамеренным соучастием сторон, «не верующего в культы и мифы У религии (и иного «группового безумства»)», с «представителями сообщества У религии, в них верующими (и иного «группового безумства»)» в большинстве случаев, при прочих равных условиях, нереализуем.

Таково кратко основная формулировка «основного закона символизации» при доминанте воспроизводимого устойчиво иррационального отношения человека к действительности, в определенных устойчиво воспроизводимых ситуациях его социокультурной жизни, в статистически закономерной «магизации, мистизации и мифизации» его псевдопрактики, при религиозной культуре им используемой для псевдоадаптации к иррациональности, для «снятия эмоциональной перегрузки, прекращения работы в разнос (т.н. феномен периодически воспроизводимого «религиозного утешения», функция иллюзорной компенсации, «псевдоудовлетворение неудовлетворимой практически жизненно важной потребности»), как бы для «псевдорационализации иррационального».

Между крайностями доминирования рационального или иррационального отношения человека к действительности располагаются переходные, утконосоподобные типы нам подобных отношения к действительности, в т.ч. такие давно известные, как «эстетико — художественное отношение человека к действительности» ближе сравнительно к иррациональному, в большинстве случаев, и «нравственно — моральное, этическое отношение человека к действительности», ближе сравнительно к рациональному, в большинстве случаев.

Внутри рационального они отсутствуют полностью только в девиантных, патологических случаях (ибо, например, большинство ученых и инженеров изобретателей — нормальные представители нам подобных, лишь более или менее рациональные), как и внутри иррационального, религиозного. Достаточно напомнить о религиозном искусстве и религиозной нравственности, морали, этике.

Если феномен и макроинститут науки связаны с направленностью прежде всего на воспроизводство и накопление культуры подлинной рационализации иррационального, то феномен и макроинститут религии связан прежде всего с направленностью на воспроизводство и накопление культуры псевдорационализации иррационального, при столкновении нам подобных со стихиями, культуры их символизации символизирующими, с доминантой «эмоционально — ценностной направленности» и высокой значимости для символизирующих их «верований в символы и ритуалов с символами и на символы направленных».

Напомним то, как религиозная философия в некоторых случаях эксплицирует «идею Бога»: «всеведающее и всемогущее, абсолютно доброе и прекрасное, совершенное существо».

Или, наоборот, «идею Дьявола (Сатаны)»: «всеведающее и всемогущее (как и Бог в «манихейской ереси», или несколько менее, чем Бог в ортодоксии), абсолютно злое и безобразное (уродливое, ужасающее, отвратительное, с 0 совершенства) существо». В том и другом случае нами «управляет» Некто или Нечто не «управляемое нами», как и «стихии благоприятствующие или противодействующие нам подобным», но, могущее «нами управлять».

Феномен и макроинститут светских искусств есть синкретичный «сплав» направленный на воспроизводство и накопление культуры синкретичного «эстетико — художественного, рационально — иррационального отношения человека к действительности», которое не порождает в норме «воспроизведение религиозных или невротических верований в мифы и магию — мистические ритуалы», а блокирует

необходимость в таковых, но, и прямо и непосредственно не порождает и «рациональности иррационального», но, ценностно ориентирует человека на поиск новых путей «рационализации иррационального», как бы в «художественном воображении и фантазии о фантомных художественных мирах», связанных с «произведением искусства» изображающим изображаемое и выражающим выражаемое, проигрывая все возможные, в т.ч. считающиеся нереализуемыми в практиках современных, варианты «проб и ошибок», в т.ч. Утопий и Антиутопий.

Важные фактические примеры для моделирования когнитологического - вариантов такого универсального отношения человека к действительности, рационально — иррационального излагаются и анализируются автором в отдельных текстах:

1. о «кооперациях, содействиях с сотрудничеством и конфликтах, противодействиях, с противоборством», как социокультурных интеракциях микроуровня социумов — культур, с преднамеренным соучастием сторон, с индивидуальной и социальной рефлексией соучастников (сноска на публикацию и сайт);

2. об «игровых имитациях» прототипных социокультурных практик, индивидуальных и групповых, с разными типами «рефлексии» имитирующих их «игроков»: 1. религиозной, как в имитационной магии, 2. игровой, как у детей и актеров, 3. рациональной, как у создающих и использующих аналоги, модели создаваемых и используемых прототипов (сноска на доклад на заседании НМС, конференции, статью и на сайт).

Забегая вперед, вкратце отметим то, что всадник скачет на коне, как в практическом прототипе, так и в ходе воспроизведения социального образца его игровой имитации, но, в последнем случае, только в «воображении, фантазии», в «содержании рефлексии» имитирующего «игрока», даже если последний нас уверяет в том, что он «действительно всадник действительно скачущий на действительном коне», а не «имитирующий игрок», по любым причинам: *«Какой я — игрок, я — Всадник!»*. *Вспомните арию безумного Мельника в «Русалке»: «Какой я — мельник, я — Ворон!»*. Или иные заявления о самом себе пациентов психиатров и социальных психотерапевтов, с аналогами «мании величия» и - или «мании ничтожества».

Например, по разным причинам, порождающим варианты эффектов, с инвариантом, следующих 3-х типов:

1. воспроизводство невротиком «символического имитационного ритуала приобретенной невротизации»;

2. воспроизводство «религиозного, магико — мистического имитационного ритуала, с мифоверованиями», т.е. с феноменом явно устойчивой «иррациональной символизации символизирующим символизируемой стихии X и его отношения к ней»;

3. воспроизводство «театральной игры актера в театре одного актера документального сценария пьесы о «всаднике, скачущем на коне (в т.ч. всаднике, без головы)» и театрального его представления, спектакля»;

4. воспроизводство «тренировки всадника для скачек на коне», с использованием «тренировочного реквизита — искусственного, автоматического коня» или идентичного «метода моделирования скачки всадника на коне» в экспериментальном когнитологическом исследовании данного типа более или менее стандартного «исполнительского практического индивидуального социокультурного действия» и

стиля его исполнения данным индивидом — личностью на соответствующем имитационном экспериментальном стенде.

В последнем случае, доминанта рационального отношения к действительности у игрока, исследуемого в воспроизводимой им данного типа игровой имитации представляется очевидной.

4. Проблема метафилософского исследования типов философского отношения человека к действительности в «культурных координатах».

Философия по МАР - «беспредметна», в отличии от фундаментальной научной дисциплины, и скорее подобна «системе знаний прикладной науки» или «системе до и преднаучных знаний практических (типа «лечебников» для практикующих эскулапов Древности)», т.е. в ней описываются некоторые философские проблемы и некоторые философские методы, способы, формы их решения (проблемная форма организации знаний, в отличии от предметной).

Отметим, что аналогичное характерно и для «организации религиозных знаний того или иного вероисповедания», т.е. описание религиозных проблем и религиозных методов, способов, форм их решения. В том и другом случае это связано с преподаванием философии или вероисповедания, в т.ч. для будущих профессиональных философов, часто и будущих преподавателей философии (их первый прототип «софисты» в Древней Греции), или будущих священнослужителей данной церкви данного вероисповедания, ее клира для ее паствы.

Но, кроме религиозной философии (основная проблема, чаще всего, теология, с теодицией, универсальная и — или специфичная для данного вероисповедания), есть и более или менее светская, не религиозная философия, с постановкой казалось бы вполне рациональных проблем и изложением вполне рациональных методов, способов, форм их решения.

Например, согласно МАР, таковой для философии является «проблема человеческой свободы» и философы стремятся изложить (и разработать, предложить) методы обеспечивающие существование и реализуемость культурного феномена «человеческой свободы» в реальном процессе принятия и реализации человеком решений, выборов из альтернатив. Это спорная точка зрения, ибо были философы и философии обеспечивающие прямо обратное, не существование и не реализуемость феномена «человеческой свободы», наличие феномена «человеческого рабства (детерминированности динамическими законами и- или статстическими закономерностями всех человеческих выборов из альтернатив, или - и их божественной и-или дьявольской предопределенности)». Стиль долженствования нельзя путать со стилем повествования о реальности.

Эту точку зрения МАР, видимо, и следует понимать, с учетом его философствования о философии, в данном случае, «в стиле долженствования». Например, автор считает наиболее важной иную, вообще говоря, явно еще более сложную, проблему

философии - «проблему единства человеческой свободы и человеческой солидарности», ибо именно она определяет Смысл его философствований. В то время, как «проблема человеческой свободы», видимо, определяет Смысл философствований МАР.

Как известно, существовали и м.б. существующими и философии философов, претендовавших на статус «научнообоснованных», например, «научным методом (французский материализм эпохи Просвещения, позитивизм, диалектический и исторический материализм 19 в. - начала 20 в.)», «научной картиной мира (те же, плюс сторонники современной «теории глобальной эволюции систем)», в т.ч. «воинствующе антирелигиозные научные философии», с лозунгом а ла вольтерьянцы — якобинцы «Раздавите гадину!».

А вот варианты философии жизни а ла Ф. Ницше, экзистенциализма а ла А. Камю явно близкородственны «искусству, а не науке и технологиям».

Философии жизни Л.Н. Толстого и А. Швейцера явно близкородственны отчасти религиозным философиям, отчасти классическим, еще для Древней философии, нравственно -моральным, светским этическим проповедям проповедников того или иного этически направленного и демонстрируемого личным примером философского образа жизни и образа мысли. Хорошо известного по данным истории философии и культуры Античности, например, у «киников», наиболее известный из них, более или менее образованным из нам подобных, конечно, Диоген.

Философское отношение к действительности, не как преподаваемая в университетах «дисциплина о философской культуре и ее разнообразии», а именно, как философский образ жизни и мысли философствующего, колоссально разнообразна в прошлом и современности, и будет порождать новое разнообразие в будущем, но, любое такое философствование существует в достаточно определенных, хотя и неизбежно «расплывчатых, не четких», «культурных координатах», как бы перемещаясь между культурными феноменами - координатами «религия, искусство и наука», например, то сближаясь с одним из них и отдаляясь от двух других, то занимая местоположение приблизительно в «центре пересечения трех координат». Истоки этой метафилософской идеи о философии, видимо, в афоризме Б.Рассела «философия занимается теми проблемами, которыми уже не занимается религия и еще не занимается наука».

В случае явной «антирелигиозности» того или иного философского отношения к действительности, вместо «религии, как координаты» выступает предельный случай сугубо «нравственно — морального, только этического типа философствование», как «следование в образе жизни только (или по преимуществу) этическому идеалу философского образа мысли».

Изобразив равнобедренный треугольник с тремя вершинами, которые соответствуют трем данным культурным феноменам — координатам, и три пересекающиеся в его центре симметрии линии (равной длины), опущенные из трех его вершин на противоположенную им сторону треугольника (высоты), мы и получаем множество возможных «культурных координат философствования», в идеальном случае, предельные 4 варианта, с доминантой подобия и влияния или равноподобия, с равновлиянием:

- 1.«философия, как наука»;
- 2.«философия, как искусство»;

3. «философия, как религия (или как нравственно — моральная проповедь, этика, с личным примером следования этическому идеалу)»);

4. «гармоничная философия (например, вокруг центра симметрии), с единством гармоничным, например, в равной мере, и рационального, и иррационального отношения философствующего к действительности (включая в нее и его самого)».

Действительно, философия, как «преподаваемая дисциплина», должна и может включать в себя изложение всех возможных предельных вариантов философствования в его «культурных координатах», либо в «историко-философской» форме «описаний философий и биографий знаменитых философов»: либо в форме идеальных, в принципе возможных предельных альтернатив всякого возможного философствования.

Например, автор использует еще и как дополнительную классическую для нашей российской, «постсоветской» философской культуры двухаспектную типологию всех возможных философствований на плоскости двух координат — признаков (из 19 века):

по оси X — мера «материализма — идеализма» в данном философствовании:

по оси Y — мера «объективизма — субъективизма» в данном философствовании.

Это позволяет нам найти координаты, например, и для «субъективного материализма». Нового типа философствования открытого - изобретенного и сформулированного в таком названии, в истории российской философии прошлого века советского периода.

ГПЦ, МАР и другие «первопроходцы», м.б «Праксис» в бывшей Югославии, «неомладомарксисты Европы» начала 20 в., все начинавшие с чего то явно аналогичного.

А так же, найти место, и для, вообще говоря, известного давно под иными названиями, «объективного материализма»: первый термин «субъективный материализм» рожден и предложен в полемике с антагонистами от официоза философии в бывшем СССР, физиком и философом, круга общения ГПЦ, И. С. Алексеевым, второй — автором (сноска. философствование в «Тезисах о дополнительности субъективного и объективного материализма»).

Это выделение 4-х поляризованных типов, полезно, наряду с классическим выделением предельных его 3-х типов, по доминанте подобия и влияния, оно детализирует и уточняет традиционную интенцию историко — философской рефлексии:

1. «материализм»:

традиция: вульгарный, метафизический, диалектический, естественно — научный;

новация - две альтернативы по иному признаку:

1.1. объективный, без субъективного, онтологический материализм (окрест. точки 0 оси X и по оси Y);

1.2. субъективный, без объективного, материализм социальных практик, материалистический практицизм, без объективистской онтологии» (окрест. - с 0 по оси X и 1 по оси Y);

2. «объективный идеализм (платонизм, гегельянство)» (окрест. 1 по оси X и 0 оси Y);

3. «субъективный идеализм (солипсизм)» (окрест. точки 1 по оси X и по оси Y).

Переходные, утконосоподобные и смешанные, эклектические типы философствования характеризуются всеми иными координатами данной типологической плоскости координат, с поляризованными двумя осями типологических признаков и 4-мя предельными типами «в чистом виде», с философским монизмом

каждый, без дуализма в исходном постулате, каждый их 4-х полярных типов философствования отрицает истинность остальных 3-х типов.

Конечно, многое зависит от того, как и насколько точно мы определим признак «материалистичности — идеалистичности» философствования и признак его «объективизма — субъективизма». Но, это отдельная специальная, вообще говоря, «вечная» тема метафилософии.

Вернемся к проблеме формулировки основной проблемы философствования по МАР и по автору, выбор которой свободное дело философствующего, могущего и предлагать иным «любящим мудрость, а не глупость» сделать аналогичный свободный выбор, естественно, размышляя в «стиле долженствования о наилучшем философствовании» по его направленности.

Нет смысла переизлагать и комментировать содержание точки зрения МАР (см. его ст. на сайте). Обратим внимание лишь на то, что МАР в данном тексте говорит лишь о «свободе выбора из множества конечных целей с их иерархии той или иной целенаправленной деятельности (проблема целеполагания, а не целесообразности действий внутри деятельности, относительно уже выбранной ее конечной цели)», которая требует от принимающего решения «ценностных критериев выбора из альтернатив», не имеющих рационального обоснования и создаваемых или выбираемых им «свободно» (в точках произвольного выбора), и, по «свободной воле» со стороны принимающего решения субъекта, он этим выбором во многом предопределяет свой собственный выбор из альтернативных конечных целей и деятельностей, последствия их реализации.

Такое понимание «человеческой свободы» ранее МАР давалось в связи с обсуждением «критериев выбора из набора правил вывода в дедуктиках логических систем», когда «история человеческого познания в целом» обуславливала в прошлом так направленную эволюцию «логических исследований дедуктивных доказательств», но, ее полная реконструкция в принципе нереализуема.

Поэтому, набор «правил дедуктивного вывода» приходится просто постулировать, как ценность. Видимо, его принципы и определения основной проблемы философствования могут считаться необходимыми и достаточными для любых философий деятельностей и философии истории деятельностей, если их дополнить понятным известным указанием на то, что в уже выбранной целенаправленной деятельности человек подлинно свободен тогда и только тогда, когда она реализуема успешно, адекватна и результативна, а все связанные с ней стихии в достаточной мере «известны и управляемы», из естественных стали искусственными.

Если ценностные установки созданные или выбранные принимающим решение порождают выбор только нереализуемых конечных целей, с их планами деятельности, и утопическими проектами конечных результатов, то это может породить «ценностный кризис», вплоть до отказа от данной «ценностной установки».

Или потребовать изобретения принципиально новой деятельности для достижения выбранного конечного результата. Прошлый рационалистический либерализм и современное либертарианство в философском и практическом отношении их представителей к действительности размышляют в подобного рода парадигме рефлексии ценностных установок, с высшей ценностью «человеческая свобода, как

священное и неприкосновенное право человека», будто индивид — личность или их свободная коалиция, корпорация сограждан в кооперации, их свободные обменные взаимодействия.

Но, существует еще одна важнейшая альтернатива для свободного выбора человека, кроме, альтернативы «свобода выбора высших ценностей или рабство, рабское подчинение господству природных и социокультурных стихий, или целенаправленно господствующим, с угрозой насилием, лишением свободы, смертью от голода и холода, рабовладельцам (древние греки считали рабов теми, кто выбрал жизнь рабом, вместо смерти в борьбе за свободу, например, добровольно сдавшихся в плен противнику воинов)».

Речь идет о древней альтернативе типа человеческих взаимоотношений в нам подобных социокультурных взаимодействиях, например, «Дружба или Вражда, Любовь или Ненависть, Родство или как чужой к чужому», на другом уровне и языке «Солидарность, мир (например, в коалиции, корпоративной группе, коллективе трудовом, боевом, творческом) или Агрессивный конфликт на уничтожение Противника (например, драка стенка на стенку, боестолкновение, война гражданская и международная)».

С нашей точки зрения, ярким выразителем личного выбора из данных альтернатив в НМС, в Академгородке, до 1980 г (переезд МАР в Москву) и после до последних дней жизни и творчества, была именно С.С. Розова. Если МАР был его «творческий Дух», «деловой лидер творческой деятельности» НМС, то С.С. Розова было его «Душой», «эмоциональным лидером круга общения», подлинное «родство, дружба, любовь» — все эти символы высших форм человеческой межличностной солидарности, всегда светились в ее поступках и грели окружающих, были доминантой ее отношения к родным и коллегам по НМС. В одном из очень символических полемических «кухонных» диалогов МАР и ССР, аксиологической направленности (типичная дилемма для круга общения членов НМС и его соучастников оппонентов в проблеме: «главная ценность — Дух, творческая деятельность или Душа, общение?»), им ей был задан ироничный краткий вечный философский вопрос «А чем Душа отличается от Духа?» и получен им от нее иронический краткий символический философский ответ: «Душа — она теплая, а Дух — холодный!».

Действительно, «бездушная духовность» не менее, чем «бездуховная душевность», неприемлема, ибо не вполне гуманна и гуманистична, например, для и с точки зрения автора, вольно и невольно «самоперевоспитывавшегося», в последние студенческие годы и период аспирантуры, и в условиях наблюдения демонстраций примера разнообразия типов и уникальности деловых взаимодействий и межличностных взаимоотношений между МАР и ССР, МАР и членами НМС, ССР и членами НМС.

Члены НМС были явно своего рода и в определенной мере «солидарной общиной, межличностной общностью своих и близких», со своей минисубкультурой и неписанными «методологическими и ценностными предписаниями и запрещениями», которые, естественно, эволюционировали, варьировались, индивидуализировались до уникальности. Но, до 1980 гг. принятие в члены НМС, как и, иногда, исключение из числа таковых, оставались «естественным правом» только МАР, как его информационно — интеллектуального лидера, «отца — основателя».

Вышеуказанная поляризованная вторая ось «свободного выбора», вообще говоря, 1. имеет дискретно — непрерывный характер, т. е. наряду с взаимоотношениями морально-психически максимально положительными (морально — психическая близость своих), есть еще и более или менее нейтральные (равнодушно — безразличные, отстраненные, отчужденные взаимоотношения, как чужого к чужому, как дальнего к дальнему, как постороннего к постороннему) и морально — психически максимально негативные (враждебные, с ненавистью, как врага к врагу); 2. связана со сложнейшими проблемами экспериментальной социальной психологии, нравоведения и этики, социологий и культурологий, истории, этнографии, с этнологией.

Подробнее см., например, опублик. ст. автора 1. «Социальные формы обмена, как культурный регулятор поведения управленческих групп», начала 80 х гг., с таблично-матричной их типологизацией, приведенной в аналогичном виде так же и в 2. «Институт собственности, как предмет как предмет исследований в экономической социологии и психологии».

Вне всяких сомнений это и одна из фундаментальных проблем социальной и культурной антропологии, ибо такой спектр типов «морально - психических взаимоотношений» между на подобными на микро, мезо, а иногда, с их аналогами и на макроуровне иерархического устройства социокультурной реальности - всегда имел место и везде, он есть проявление универсального отношения одного человека к другому (универсальный спектр социокультурной поведенческой установки и ожиданий поступков, в соответствии с ним других, знатокам известно, что «отношение человека к ...» относительный синоним термина « установка»), не менее чем та или иная мера «рациональности — иррациональности» в человеческом отношении к действительности.

Опыт истории и современности социокультурных нравственно-моральных практик самосовершенствования и перевоспитания, философских этик, с жизнью по этическому идеалу свидетельствует, у нас и этом типе проблемных ситуациях сохраняются или может быть обретаема нами «свобода выбора из альтернативных ценностных установок».

Философствование в русле реального гуманизма является неполным, если руководствуется оно только ценностной установкой «свобода — высшая ценность», она становится полной только при условии, что высшей ценностной установкой является и «солидарность (максимум предельный «морально — психическая близость своих в коллективе»)».

Мера «свободы (1) — рабства (0)» нам подобных, по оси X, и мера их «солидарности, как своих и близких (1) — отчужденности, до конфликта врагов на уничтожение противника (0)», по оси Y, дают нам еще одну типологическую поляризованную плоскость признаков, с 4-мя предельными возможными полярными типами философского образа жизни и образа мысли в философском отношении человека к действительности и множеством переходных, утконосоподобных (фото утконоса дарилось членам НМС МАР, как аналог членского билета, а ранее в 19 в. Ф. Энгельс называл его «образцом диалектики») и смешанных, эклектических его типов.

Предоставим продуктивному воображению читателя самостоятельно определить суть этих 4 полярный пар предельных ценностных философских установок, это полезно и поучительно, если ставить проблему выбора из них, как предельных аксиологических

оснований свободного человеческого выбора и пытаться определить, хотя неизбежно не четко, расплывчато, координаты типа философствования кого либо из интересных вам философствующих прошлого и современности.

Проблема единства, гармоничной разумной меры сочетания, связи этих высших и существенно различных, иногда, явно конфликтующих, ценностных установок и есть, на наш взгляд, основная философская аксиологическая, методологическая (т.е. и философской эпистемологии, гносеологии) и онтологическо — антропологическая проблема современного философствования в русле реального и полноценного гуманизма.

«Свобода и Солидарность (свободная солидарность и солидарность свободных)» это философского разумного верования символы символизирующие для символизирующего его жизни в целом максимальную направленность на содействие росту гуманизма и гуманности практик жизни нам подобных, как высшую ценность его философского отношения к действительности, рационального и иррационального в той или иной мере, в тех или иных «культурных координатах».

Это не исключает возможность, для какого либо философствующего «рабовладельца по призванию» принять альтернативную высшую ценность и содействовать максимально тому, что бы все другие ему подобные становились ненавидящими друг друга его «рабами — гладиаторами», стремящимися убить друг друга любым путем, способствуя тем самым садистскому наслаждению и развлечению своего «рабовладельца». При этом сохранение последним его личной свободы так же может быть для него высшей ценностью, при ценности солидарности с ему подобными в пределе равной 0.

Правда, некоторые факты и теоретические концепции о феномене «человеческого одиночества, с полным и максимальным отчуждением» позволяют предположить, что весьма вероятен исход «жизненного сценария рабовладельца по призванию», с деградацией и суицидом, если ранее его «рабы-гладиаторы» не создадут хотя бы временную «коалицию врагов, с минимумом коалиционной солидарности» для победы освобождающей их от рабства и самого «рабовладельца». Вспоминаем книгу «Спартак», фильм и балет одноименные. Книгу Кен Кизи и фильм «Пролетая над гнездом кукушки». Это священные эстетико-художественные символы на эту «вечную, ибо неисчерпаемую, тему», а философские, например, в «Бунтующем человеке» и «Мифе о Сизифе» А. Камю.

Плеханов А.Д.